

**Европейцева Александра
Дарья Хорлина**

Код Ордела

Европейцева Александра

Код Ордела

<https://litres.ru/74238518>

Аннотация

Агес всегда была не такой: слишком хрупкой для суровых карведельцев, слишком тихой для прагматичных гаваардов. После смерти отца её жизнь превращается в борьбу за выживание. Преданная алчным дядей, она оказывается в затерянном подземном городе орделцев — цивилизации, чья мудрость и технологии скрыты от внешнего мира. Здесь, в обществе, где её ценят как личность и гениального инженера, Агес впервые обретает дом, друзей и любовь. Но её дядя, Идаг, не готов так легко отпустить её — и её состояние. Объявив орделцев угрозой, он нанимает наемников, чтобы выкурить Агес из убежища. Чтобы спасти свой новый народ и свой брак с наследником вождя, Агес должна совершить невозможное: объединить силу Карведеля, ум Гаваарда и технологии Ордела, чтобы публично разоблачить дядю и навсегда изменить баланс сил в регионе.

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	14
Глава 2	32
Глава 3	49
Глава 4	67
Глава 5	83
Глава 6	104
Глава 7	121
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Пролог

Траурная процессия была безупречна, как и всё в Гаваарде. Длинная вереница мужчин в сером двигалась по сияющему белизной залу усыпальницы, где воздух был стерилен и лишен запахов, а единственным звуком, кроме их шагов, был едва слышный гул энергетических полей. Шелк и тончайшая шерсть, скроенные по последнему слову портновского искусства, мягко шуршали в такт размеренному, почти механическому шагу.

Идаг шёл впереди всех. Ещё не старик, но уже и не молодой человек, чьё лицо застыло в маске приличествующей случаю скорби. Он чувствовал на себе тяжёлые, оценивающие взгляды членов Совета, партнёров по синдикату, дальних родственников, пришедших поглазеть на финал истории великого Шебада. Под этим пристальным вниманием его плечи были правильно сгорблены, взгляд — потуплен. Он изредка подносил платок к сухим глазам, делая вид, что смахивает несуществующую слезу. Игрушка, которую он сжимал в кармане брюк, миниатюрный стресс-кибер, была влажной от пота его пальцев.

«Вот и всё, братец, — беззвучно шевелились его губы, пока публичная маска скорби оставалась недвижимой. — Великий Шебад. Промышленный титан. Муж гаваарки». Последнее слово всегда отзывалось в нём едкой горечью. Он

смотрел на капсулу из матового белого полимера, где покоилось тело его брата. Тело человека, который осмелился пойти против устоев, выбрав в жёны хрупкое, умное существо, и тем самым запятнав их родственную кровь. И не просто выбрав. Он переехал с ней в этот холодный, рассудительный мир, оставив Идага разгребать последствия своего «романтического жеста» в Карведеле.

Капсула плавно, на антигравитационной платформе, въехала в прозрачную сферу дезинтегратора. Идаг почувствовал, как по спине пробежали мурашки от предвкушения. Ещё мгновение и не будет даже праха. Не будет этого вечно-го упрёка в лице того, кто был сильнее, удачливее, кто позволил себе слабость и всё равно выиграл.

Теперь ему предстояло решить несколько проблем, но это была сущая мелочь. И прежде всего – разобраться с вдовой и племянницей, которых, за двадцать лет он не разу и не увидел. Была надежда, что девчонка пошла в отца. Сильная, высокая и покорная. Тогда можно будет устроить ее брак с нужными людьми, и она окажется хоть в чем-то полезной! Хотя... она уже совершила один полезный поступок – родилась не мальчишкой.

Раздался ровный, мелодичный гул. Внутри сферы вспыхнуло ослепительное беззвучное и безжалостное сияние. Тело Шебада, великого промышленника, мужа Лерамины, отца Агес, превратилось в облачко энергии, которое тут же бы-

ло поглощено системами утилизации. Чисто, стерильно, эффективно. По-гаваардски.

Идаг зажмурился, делая вид, что не в силах вынести это зрелище. Он видел, как плавился и испарялся полимер капсулы, а за ним — плоть и кости. *Сгорай. Сгорай же наконец!*

Гул стих. В сфере не осталось ничего. Абсолютная пустота.

Процессия замерла на мгновение, выдерживая паузу, полную искусственного траура. Затем старейшина, ведущий церемонии, кивнул. Всё было кончено.

Идаг медленно выпрямил спину. Маска скорби сползла с его лица, уступив место выражению усталой деловитости. Один за другим к нему подходили соболезнающие — члены Совета в безупречных серых мантиях, партнеры брата. Они пожимали ему руку, говорили плавные, отточенные фразы о потере, о наследии, о непреходящих ценностях. Идаг кивал, отвечал благопристойным шепотом, чувствуя, как затекают мышцы на его щеках от искусственной почтительности.

— Брат ваш был столпом прогресса, — произнес худой, как жердь, гавардец с глазами-сканерами.

— Он оставил после себя не только предприятия, но и идеалы, — вторила ему женщина с серебряными волосами, уложенными в сложную архитектурную композицию.

Идаг мысленно смеялся. *Идеалы? Да он променял идеалы на пару умных глаз и хрупкие кости.* Внешне же он лишь глубже опускал голову, принимая эти пустые слова как долж-

ное.

Когда последний из соболезующих растворился в стерильной белизне зала, Идаг резко, почти грубо, дернул рукой — и к нему бесшумно подкатился слуга-автоматон с его плащом. Накинув его на плечи, Идаг быстрым шагом направился к выходу, не оглядываясь на пустую сферу дезинтегратора. Позади оставалась не только смерть брата, но и тягостная необходимость притворства.

Его личный глидер, угольно-черный каплевидный аппарат, уже ждал на приватной площадке. Идаг грузно упал на кожаное сиденье, и машина, не издавая ни звука, оторвалась от земли и понеслась над сияющими улицами Гаваарда. Внизу проплывали стройные башни из хрусталя и стали, парящие мосты, сады с генетически выверенной флорой. Все здесь дышало холодным, нечеловеческим совершенством. Идагу претила эта рациональная красота. Ему было душно в этом мире, лишенном грубых, простых страстей Карведеля.

Он сжал переносицу, пытаясь прогнать напряжение. Предстояла неприятная, но необходимая встреча. Поверенный его брата, старый Гарон, был таким же гаваардом до кончиков пальцев, как и все здесь. Человек-закон, человек-буква. С ним предстояло говорить о самом прозаичном — о наследстве.

Глидер приземлился на вершине одной из самых высоких башен, где располагалась контора Гарона. Идага встретил в атриуме сам поверенный — сухопарый, с лицом, испещрен-

ным морщинами-схемами. Его глаза, цвета остывшего свинца, смотрели на Идага без особой теплоты.

— Мои соболезнования, господин Идаг, — произнес Гарон, и его голос звучал как скрип перелистываемых страниц юридического фолианта.

— Благодарю, Гарон. Давайте опустим формальности. У нас есть дела.

Они прошли в кабинет с панорамным остеклением, откуда открывался вид на бескрайний, отлаженный до мелочей город. Гарон занял место за столом из матового металла.

— Согласно последней воле вашего брата, — начал он, не глядя в бумаги, — всё его промышленное состояние в Карведе, а также контроль над синдикатом, переходят к вам, как к единственному кровному родственнику мужского пола.

Идаг почувствовал, как в груди разливается знакомое, сладкое тепло. *Наконец-то.*

— Однако, — Гарон поднял глаза, и в них мелькнула тень чего-то, что Идаг счел за осуждение, — существует два неотъемлемых условия. Во-первых, вдовья доля госпожи Лерамины. Она невелика, но гарантирует ей пожизненное содержание. Во-вторых... приданое вашей племянницы, Агес.

Идаг нахмурился.

— Приданое? Она ведь еще не замужем.

— Именно так. До момента ее замужества или достижения ею двадцати пяти лет эти средства находятся в доверительном управлении и неприкосновенны. Более того, они за-

щищены чипом жизни. Пока Агес жива, вы не можете распоряжаться этими активами. Только управлять ими. И только в ее интересах.

Вдовья доля — сущие пустяки, с которыми можно было бы смириться. А приданое какой-то девочки? Он мысленно уже махнул на это рукой — мелкая неприятность на фоне обретенного могущества.

— Что ж, условия ясны, — проговорил он, с трудом скрывая удовлетворение. — Полагаю, сумма приданого не столь значительна, чтобы омрачать нашу сделку?

Гарон, не меняясь в лице, достал из стола голографический свиток. Лучи света сложились в колонки мерцающих цифр.

— Согласно финансовой оговорке, внесенной лично вашим братом, — его голос был ровен и бесстрастен, — приданое мисс Агес составляет... — Он сделал крошечную паузу, которая показалась Идагу вечностью. — ...сорок семь процентов от общей ликвидной стоимости наследуемого вами состояния. За вычетом, разумеется, вдовьей доли.

Воздух вырвался из легких Идага, словно от удара. Он замер, не в силах оторвать взгляд от холодных, сияющих цифр. Почти половина. ПОЧТИ ПОЛОВИНА всего, что он считал своим по праву! Это была не досадная мелочь. Его эго, уже предвкушавшее безраздельную власть, содрогнулось и завывало от бессильной ярости.

— Этого не может быть! — хрипло вырвалось у него. —

Это какая-то ошибка!

— Ошибки нет, — Гарон невозмутимо свернул свиток. — Ваш брат был весьма... предусмотрителен. И оставил для вас лично это.

Поверенный протянул ему небольшой запечатанный конверт из плотной бумаги. Пальцы Идага дрожали, когда он вскрывал его.

Внутри лежал лист, на котором всего одна фраза была выведена твёрдым, размашистым почерком Шебада:

«На большее не надейся! Если бы мог, я бы лучше отдал всё будущему зятю, чем тебе, мерзкий слизняк!»

Идаг задрожал. Унижение и ярость сжали его горло, превратив дыхание в свист. Он скомкал записку в кулаке, ощущая, как буквы жгут ему ладонь. В этот момент холодная ненависть к брату, ледяная и совершенная, слилась воедино с жгучим презрением к его жене и дочери. Эта девчонка, это ничтожество, стала оружием в руках мертвеца, чтобы уязвить его из могилы.

Цифры и оскорбление жгли ему изнутри, но годы притворства закалили его. Он сделал над собой усилие, выровнял дыхание и посмотрел на поверенного взглядом, в котором теперь читалась лишь деловая озабоченность.

— Что ж, — произнес он, и голос его звучал почти ровно, лишь легкая хрипота выдавала напряжение. — Остается прояснить последний формальный момент. Кто назначен опекуном моей племянницы до ее совершеннолетия или за-

мужества?

Гарон, ничуть не удивившись вопросу, вновь обратился к голографическому интерфейсу. Несколько секунд тишины, прерываемых лишь тихим гудением прибора.

— Любопытно, — наконец произнес он. — В завещании вашего брата вопрос об опекунстве прямо не оговорен. В таких случаях, согласно своду межрасовых законов Карведеля и Гаваарда, действует норма, по которой опекунство над несовершеннолетней наследницей автоматически переходит к ближайшему кровному родственнику мужского пола. — Он поднял на Идага свой свинцовый взгляд. — То есть, к вам, господин Идаг.

На мгновение в душной атмосфере кабинета повисла тишина, густая, как смоль. Затем Идаг медленно, почти церемониально кивнул.

— Я понимаю. Бремя ответственности тяжелое, но я готов его нести. Принесите бумаги, я их подпишу.

Процесс занял не более десяти минут. Идаг ставил свою размашистую подпись на серии документов, чувствуя, как с каждым росчерком пера петля затягивается туже.

Выйдя из кабинета Гарона, он не стал вызывать глiders. Ему нужно было пройтись, переварить обретенное. Стерильный воздух Гаваарда обжигал легкие. Он шел по бесшумным мостовым, и в его голове, словно шестеренки в отлаженном механизме, начали поворачиваться холодные, безжалостные мысли.

Опекун. Полная опека. Это значило, что он будет решать, где ей жить, с кем общаться, на ком жениться. А главное — он контролировал ее до самого момента замужества. Того самого замужества, после которого несчастные сорок семь процентов его состояния должны были уплыть в руки какого-то неизвестного мужлана, подобранного по его, Идага, усмотрению.

Мысль была невыносима. Отдавать такую сумму? Делиться властью? Никогда.

И тогда решение пришло, кристально ясное и неизбежное, как восход второго солнца над пустынями Ордела. Оно было настолько простым, что он удивился, как не додумался до него сразу.

Агес должна исчезнуть.

До брака. Чип жизни, этот дьявольский прибор, показывал бы, что она жива, а значит, средства оставались бы в его управлении — нет, в его *собственности* — навсегда. Он мог бы ими распоряжаться, одалживать под их обеспечение, становиться все могущественнее. А со временем, когда все забудут о жалкой полукровке, можно будет инсценировать ее несчастную смерть, и средства окончательно перешли бы к нему как к единственному выжившему родственнику.

Он не просто хотел денег. Он хотел тотального контроля. И смерть племянницы была единственным ключом, который отпирал эту дверь. Ее существование было дырой в его броне, слабостью, которую мог использовать любой враг.

Ее небытие делало его неуязвимым.

Уголки его губ поползли вверх в беззвучной улыбке. Он посмотрел на сияющие башни Гаваарда, но видел уже не холодную красоту, а поле для будущей игры. Игры, в которой его племянница была всего лишь пешкой. Пешкой, которую предстояло снять с доски.

Глава 1.

Синеватый свет голографического монитора заливал уединённую комнату Агес, окрашивая воздух в призрачные, мерцающие тона. Девушка сидела, поджав под себя ноги, на мягком пуфе, а ее пальцы бессознательно водили по шелковистой шерстке существа, пристроившегося у ее колен, в то время как она сама пыталась вникнуть в хитросплетение контуров импульсного стабилизатора. Зверек, похожий на миниатюрную антилопу с перламутровым отливом шерсти и двумя парами небольших, покрытых мягким пухом крыльев, мурлыкал, похрюкивая от удовольствия. Мать назвала его «Облачком» — за невесомую легкость и привычку сворачиваться в белый пушистый шар.

Воздух, в котором парили многочисленные схемы из очередного урока продвинутого курса для инженеров-энергетиков, был насыщен беззвучным гулом заряженных частиц и отдавал статикой. Семнадцать лет. Возраст, когда у других начинается жизнь, а у неё всё ещё было лишь это убежище из тишины и света.

Агес щёлкнула по кнопке, и виртуальный макет послушно повернулся, открывая новый ракурс. Ее пальцы замерли в воздухе, выделяя узел схемы, где, по ее мнению, была заложена фундаментальная ошибка. В официальной версии курса этот стабилизатор считался почти идеальным, но

Агес видела слабое место. Она прикусила губу, и непослушная прядь волос пшеничного цвета, наследие отца, снова выбилась на лоб. Резким, почти грубым жестом она откинула её назад.

Этот курс, как и драгоценный доступ к форуму «Квантовый Инжиниринг», был для неё, как впрочем и для любой другой девушки, запретным плодом. Нелегальным. Она пробилась на него под чужим именем — Ратье Арнев. Чип с этим идентификатором, принадлежавший погибшему несколько лет назад молодому человеку, мать с огромным трудом и риском для себя достала на чёрном рынке Гаваарда. В бездушном цифровом океане она была им — юношей с блестящим будущим, чьи смелые гипотезы уже начинали вызывать сдержанное уважение виртуальных коллег. Ратье был её маской, её крепостью, её броней против взглядов, полных холодного любопытства или откровенного презрения.

А еще ее шансом получить то, что как девушка, она получить не могла. Учёба была её единственной отдушиной, тем святилищем, где она переставала быть неуклюжей полукровкой, а становилась просто человеком — с пытливым умом и жаждой знаний.

Мысль об ошибке не давала покоя. Указать на нее — значило привлечь внимание. Не только наставников, но и системных администраторов, сканеров, алгоритмов, всегда готовых вцепиться в малейшую аномалию. Аномалию, которой она и была. Ее цифровой двойник, Ратье, был безупре-

чен — дерзок, но в рамках дозволенного, талантлив, но не вызывающе. Ошибка в официальном курсе — это вызов. Вызов, на который система обязана будет отреагировать.

Она снова посмотрела на схему. Ошибка была очевидна ее инженерскому чутью, переданному, должно быть, от отца. Нестыковка в резонансных контурах, которая при пиковой нагрузке неминуемо вела к каскадному отказу. Молчать? Позволить этой оплошности остаться в учебных материалах, зная, что однажды она может стоять кому-то жизни на реальном объекте? Или рискнуть? Рискнуть своим убежищем, своей единственной свободой.

Пальцы снова потянулись к клавиатуре, парящей в голографическом поле. Они дрожали. Она представила, как на форуме появляется сообщение от «Ратье Арнева» с пометкой «Критический анализ. Ошибка в базовой схеме». Взрыв комментариев. Споры. Проверка. Повышенный интерес. А за ним — риск. Всегда риск.

«Нет, — прошептала она сама себе. — Нельзя. Не сейчас. Не сейчас...»

Но чувство долга, странное и неуместное для затворницы, оказалось сильнее страха. Она не могла позволить этой ошибке существовать. Ее отец, Шебад, не позволил бы. Сжав зубы, она начала набирать сообщение. Короткое, вежливое, с выдержками из расчетов и моделированием последствий. Каждое нажатие виртуальной клавиши отдавалось в висках гулким эхом.

И в этот момент в дверь постучали.

Агес вздрогнула так, будто ее ударили током. Палец резко дернулся, едва не отправив незаконченное сообщение. Сердце заколотилось где-то в горле. Она мгновенно свернула все интерфейсы, и комната погрузилась в призрачную синеву, освещенную теперь только дежурным ночным светильником.

— Агес? Можно войти? — послышался за дверью тихий, мелодичный голос Лерамины.

Облачко, потревоженное резким движением, жалобно пискнуло и спряталось под пуф.

— Д-да, мама, входи, — с трудом выдавила Агес, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Дверь бесшумно отъехала в сторону, и в комнату вошла Лерамина. Ее хрупкая фигура в простом платье цвета утреннего неба казалась еще более беззащитной в этом мерцающем полумраке. Ее лицо, унаследованное Агес, — большие глаза, тонкие черты — было бледным и напряженным. В руках она сжимала планшет.

— Мне пришло сообщение. Официальное, из канцелярии Гарона, — Лерамина говорила тихо, но каждое слово падало в тишину комнаты, как камень. — Твой опекун... решением синдиката и согласно межрасовым законам... назначен твой дядя. Идаг.

Воздух застыл. Агес не шевелилась, уставившись в потухший экран монитора, где только что кипела ее тайная жизнь.

В ушах зазвенело. Она знала, что это значит. Со слов матери, с редких упоминаний об этом человеке. Все ее хрупкое мироздание, состоявшее из тишины, знаний и надежды, рухнуло в одно мгновение.

Она медленно подняла глаза на мать. Голос ее прозвучал глухо и отчужденно, будто принадлежал не ей, а той кукле, в которую ее сейчас превратят.

— И что теперь?

Она прекрасно понимала, что теперь. Теперь прощай, «Квантовый Инжиниринг». Прощай, Ратье Арнев. Прощай, мечта стать инженером. Ее будущее только что было перечеркнуто одной-единственной подписью.

Лерамина сделала шаг вперед, и синеватый свет окутал ее лицо, подчеркнув морщинки у глаз — следы давней печали и свежих слез.

— Я поговорю с ним, — тихо, но твердо сказала она. — Попробую убедить его, что тебе лучше остаться со мной. Что разлучать нас... неразумно.

Уголки губ Агес дрогнули в горькой усмешке, лишенной всякой теплоты.

— Он даже за нами перед похоронами не заехал, мама. Не прислал транспорта. Мы сидели здесь, в этой комнате, и знали, что в это самое время... — голос ее сорвался, и она резко сглотнула, — что в это самое время отец... уходит. И мы не смогли с ним проститься. Он не захотел этого тогда. Не захочет и слушать теперь.

Лерамина медленно, будто неся на плечах невидимую тяжесть, подошла к пуфу и опустилась на его край. Ее тонкая рука легла на одеяло, совсем рядом с коленом дочери, но не решаясь прикоснуться.

— Ты права, — прошептала она, и в ее глазах стояло недетское понимание всей глубины их безнадежного положения. — Он не захочет. Но я все равно должна попытаться. Это мой долг... как матери. Хотя шансов, — она горько улыбнулась, — шансов, моя девочка, у нас действительно мало.

Агес закрыла глаза и тяжело, с надрывом выдохнула, словно выдавливая из себя последнюю надежду. Воздух снова наполнился беззвучным гулом частиц, но теперь он звучал как похоронный звон.

— Их просто нет, мама, — ее голос прозвучал устало и безнадежно. — Никаких. Ты сама знаешь размер моего приданого. Он никогда не позволит мне самой выбрать себе мужа, как... как легко здесь, в Гаваарде, когда-то позволили тебе.

Последние слова повисли в воздухе горьким упреком не к матери, а ко всей жестокой игре судьбы. Лерамина потупила взгляд, ее пальцы бессильно сжали складку одеяла. Она вспомнила молодого промышленника из чужого, бурлящего страстями мира, который увидел в ней не хрупкое дитя Гаваарда, а ум и душу. Ту самую легкость, с которой ей позволили сделать выбор, оказалась иллюзией, за которую теперь приходилось платить ее дочери.

Агес отвернулась к затемнённому окну, за которым бездушным совершенством сияли башни Гаваарда. Её убежище, её хрупкий мир, построенный из света и знаний, трещал по швам, и сквозь трещины проступал мрак совершенно иного будущего.

В Карведеле у меня не останется ничего, — пронеслось в голове холодной, отточенной мыслью.

Здесь, в Гаваарде, существовали щели, сквозь которые мог пробиться свет. С разрешения главы семьи — а ее отец был таким главой — женщина могла учиться. Могла работать в научных или инженерных корпорациях, и ее ум ценился, пусть и как инструмент. К ее мнению, особенно в вопросе о замужестве, прислушивались. Брак считался выгодным партнерством, и согласие невесты было одним из факторов сделки. У нее были личные, неприкосновенные средства, которые она могла тратить по своему усмотрению — на книги, на искусство, на маленькие радости.

Ее мать, Лерамина, воспользовалась этой щелью. Умная, наблюдательная гаваардка, она встретила Шебада как личность. И он, могущественный карведелец, пошел против устоев своего мира, увидев в ней не вещь, а равную.

Но Карведель был другим. Жестким, патриархальным, пропитанным грубыми страстями и железными законами крови и власти. Там не было щелей. Там женщина была собственностью. Сначала отца, потом мужа. Ее тело, ее ум, ее будущее — все принадлежало мужчине, под чьей опекой она

находилась. Собственность не имеет права голоса. Собственность не учится инженерии, не спорит с учебными курсами под чужим именем. Собственность молча выполняет приказы, рождает наследников и украшает собой дом своего владельца.

Идаг был карведельцем до мозга костей. Он ненавидел этот холодный, рациональный Гаваард и презирал его волюности. Для него она, Агес, была не племянницей, а вещью. Вещью, которая по нелепой прихоти его брата оказалась намертво привязана к огромному состоянию. Вещью, которую нужно надежно запереть, чтобы никто не мог посягнуть на его, Идага, богатство. А потом — тихо и незаметно устранить, когда необходимость в этой обузе отпадет.

Мысль о том, чтобы оказаться в его власти в том мире, где ее права будут равны нулю, вызывала леденящий душу ужас. Здесь, в Гаваарде, у нее еще была тень надежды, призрачная защита местных законов и статуса матери. Даже когда отец запретил ей учиться, мать смогла все организовать, потратив собственные средства. В Карведеле ее ждала только клетка.

Она посмотрела на свои руки, все еще пахнущие статикой от голографических интерфейсов. Руки, способные собирать и разбирать сложнейшие схемы. Скоро им, наверное, придется учиться вышивать или подавать чай. Или просто безвольно лежать на коленях, ожидая приговора.

«Облачко», почувствовав ее смятение, выползло из-под пуфа и ткнулось влажным носом в ее ладонь. Она механи-

чески провела пальцами по его шелковистой шерстке, но в этот раз даже его успокаивающее мурлыканье не смогло разогреть лед в ее груди.

Она была девушкой, лишавшейся будущего, которую вот-вот утащат с чистой, пусть и холодной, воды в болото, где она медленно и бесславно сгниет, не оставив и следа. Отчаяние, острое и безрассудное, поднялось в Агес комом к горлу. Она схватила руку матери, ее пальцы сжались с такой силой, что костяшки побелели.

— Мама... — голос ее сорвался на шепот, полный животного ужаса. — Устрой мне побег. Пожалуйста. Я не могу поехать с ним. Я не переживу этого.

Лерамина смотрела на нее с болью и ужасом. Она резко, почти болезненно, покачала головой.

— Нет, Агес. Не говори этого. Даже не думай. Это слишком опасно. Где ты будешь жить? На что существовать?

— Я смогу работать! Я... я переоденусь мужчиной! Как Ратье! Я уже делаю это здесь, я смогу и там! — Агес говорила торопливо, с отчаянной горячностью.

— Молчи! — Лерамина впервые за долгие годы резко повысила на нее голос. Ее собственные пальцы дрожали. — Это не игра, Агес! Подделка идентификационного чипа, мошеннические действия при его использовании... Это не несколько нарушенных правил в учебной программе! За это здесь, в Гаваарде, сажают в тюрьму. Надолго. И тебя, и меня. А в Карведе... в Карведе за такое, наверное, и вовсе казнят.

Нет. Никогда. Я не потеряю тебя таким образом.

Лерамина видела в глазах дочери ту самую отчаянную решимость, что когда-то горела и в ее собственных, много лет назад, когда она, молодая гаваардка, впервые столкнулась с грубым и пышущим жаром миром Карведеля. Она сама тогда была готова на все, лишь бы остаться рядом с Шебадом, но то была борьба за любовь. Она помнила тот подавляющий гнет чужой культуры, где каждый взгляд оценивал ее как диковинку или слабость великого Шебада. Она годами уговаривала его вернуться в Гаваард, на свою родину, в знакомый комфорт, где у нее были хоть какие-то права. И он, любя ее, в конце концов уступил. Эта победа стоила ей нервов и здоровья, но она вырвала себя и его из того ада, куда теперь собирались утянуть ее дочь.

Она прекрасно понимала отчаяние Агес, потому что сама прошла через подобное, хоть и в иной форме. Она знала, каково это — быть чужой, быть беззащитной. И именно поэтому она с ужасом осознала, что никакой побег не спасет Агес. В одиночку, без связей, денег и защиты, с поддельным чипом, ее хрупкая, умная дочь станет легкой добычей для любого, кто заметит подлог. Система не прощает таких нарушений. Лерамина скорее готова была отдать дочь под опеку ненавистного Идага, надеясь как-то выторговать у него условия, чем позволить ей бесследно сгинуть в подполье или сгнить в тюрьме. Подчинение казалось единственным, пусть и отравленным, шансом на выживание.

Лерамина выдохнула, снова пытаюсь взять себя в руки. Она мягко, но настойчиво высвободила свою руку из сжатия дочери.

— Я... я все же поговорю с ним. Попробую найти какие-то аргументы. Может быть, он позволит тебе остаться здесь, под моим присмотром, до окончания какого-то срока... — Голос ее звучал безнадежно, и они обе это понимали.

Наступила тяжелая пауза. Лерамина, пытаюсь хоть как-то разрядить гнетущую атмосферу, снова посмотрела на потухший экран, а затем перевела взгляд на дочь, силясь изобразить подобие улыбки.

— Так... чем ты была занята, пока я не пришла? — спросила она, и в ее тоне прозвучала натянутая, почти неестественная легкость. — Опять разбирала свои схемы? Увлелась чем-то интересным?

Агес откинулась на спинку пуфа, чувствуя, как ее охватывает леденящая апатия. Мир сжимался до размеров клетки, и все ее попытки вырваться разбивались о стены реальности. Она посмотрела в синеватый полумрак комнаты, где только что парили голограммы ее тайной свободы.

«Интересного? — беззвучно повторила она про себя. — Да. Я как раз собиралась совершить самоубийство. Не физическое, нет. Просто убить Ратье Арнева. Навсегда стереть его с лица цифрового мира».

Она потянулась к сенсорной панели и резким жестом включила интерфейс. Синеватый свет снова залил комнату,

но теперь он казался зловещим. Агес собиралась показать матери ту самую ошибку, свой последний аргумент против системы, который теперь уже не имел значения.

— Вот, смотри. Импульсный стабилизатор. Официальная схема. А вот здесь, — ее палец, все еще дрожащий от недавней истерики, ткнул в сложный узел резонансных контуров, — фундаментальный просчет. При пиковой нагрузке здесь возникнет каскадный резонанс, и...

Она замолкла, уставившись на экран. Ее глаза расширились от изумления.

Голографическое поле, которое она свернула несколько минут назад, было теперь заполнено бурлящей активностью. В центре красовалось ее собственное, только что написанное и, как она была уверена, неотправленное сообщение. Заголовок «Критический анализ. Ошибка в базовой схеме» горел красным, привлекая внимание. А под ним — лавина ответов.

Сердце Агес бешено заколотилось, на этот раз от ледящего ужаса. Она судорожно пролистала вверх, к исходному посту. Да, это был ее текст. Ее расчеты. Ее моделирование катастрофического отказа. И стояла метка времени — отправлено ровно в тот момент, когда в дверь постучали. Ее палец, дернувшийся от испуга, все-таки нажал виртуальную клавишу.

— Нет... — вырвалось у нее шепотом. — О, нет...

Лерамина, почуяв неладное, шагнула ближе, ее взгляд

скользнул по мерцающим строчкам. Она не понимала технических деталей, но язык цифрового общения был универсален. Она видела тонны комментариев, стремительно растущий рейтинг поста и самые частые слова, мелькавшие в обсуждении: «проверка», «сенсация», «вызов администрации».

Агес лихорадочно читала, проглатывая сообщения. Первые отклики были скептическими, полными насмешек над «выскочкой-студентом». Затем тон начал меняться. К обсуждению подключились ветераны форума, чьи имена она знала по их научным работам. Они проверяли ее выкладки. И находили их безупречными.

«Расчеты Ратье Арнева корректны», — написал один из модераторов, пользователь с репутацией живого классика. — «Требую немедленного пересмотра учебного модуля и уведомления Комитета по энергетической безопасности».

Кто-то другой уже запустил симуляцию на мощном кластере и выложил видео, где виртуальный стабилизатор с официальной схемой ярко вспыхивал и рассыпался на пике нагрузки.

Агес смотрела на этот виртуальный взрыв, и ее охватило странное, двойственное чувство. Гордость — ее нашли, ее ум признали. И всепоглощающий страх — потому что теперь на «Ратье Арнева» был направлен прожектор самого пристального внимания. Алгоритмы сканирования аномалий уже должны были начать свою работу, копаясь в цифро-

вом следе несуществующего юноши, пытаюсь найти несоответствия.

Она добилаь того, чего хотела. Ошибка будет исправлена. Возможно, это спасет чью-то жизнь.

Но она же и подписала смертный приговор своему единственному убежищу. Ее тайна, ее хрупкий цифровой двойник, теперь висел на волоске. И этот волосок уже начинали подпаливать лучи всеобщего внимания. Ее личное отчаяние и крах в реальном мире странным образом совпали с триумфом и неминуемой гибелью ее виртуального «я». Она сидела, парализованная, глядя, как ее призрачная крепость, которую она так тщательно выстраивала, начинает рушиться под аплодисменты.

— Что случилось, Агес? — мягко спросила она, опускаясь рядом.

— Они увидят! — выдохнула Агес, ее взгляд был прикован к бурлящему голографическому чату. — Администраторы, сканеры... Они начнут проверять Ратье. Искать несоответствия. Один неверный шаг в цифровом следе, одна случайная проверка биометрии в случайном терминале... И все. Они найдут меня.

Ее голос дрожал, окрашенный предчувствием неминуемой катастрофы. Казалось, стены ее убежища рухнули, обнажив незащитную душу перед всем миром.

Лерамина медленно покачала головой. На ее лице, обычно выражавшем лишь тихую печаль, появилось странное, по-

чти отчужденное спокойствие.

— Они ничего не увидят, — произнесла она тихо, но с такой несокрушимой уверенностью, что Агес на мгновение отвлеклась от монитора. — Они не найдут тебя. Никогда.

Агес устала на мать, не понимая.

— Чип, который я достала для тебя, — продолжала Лерамина, ее голос стал ровным и методичным, словно она зачитывала отчет, — это не просто украденный идентификатор погибшего. Он настоящий. Он вшит в сеть. У Ратье Арнева есть история, есть биометрия, есть цифровой след, который тянется с самого детства. Он дышит, он живет в системе. Алгоритмы проверяли его десятки раз. И будут проверять снова. Они не найдут ничего, потому что нечего искать.

Она сделала паузу, глядя на изумленное лицо дочери.

— Я не говорила тебе об этом. Потому что знала, какая ты попрыгунья. И порой бываешь весьма азартной для женщины. Ты не смогла бы довольствоваться лишь учебой. А это... это привлекло бы внимание другого рода. Внимание живых людей, а не машин. А против людей, увы, даже самая лучшая легенда бессильна.

Агес молчала, переваривая услышанное. Гора страха, что давила на нее секунду назад, начала медленно рассыпаться, сменяясь странным, почти пугающим ощущением безопасности. Ее мать, хрупкая гаваардка, все эти годы держала в руках нити этой сложной, опасной игры. Она построила для дочери целую крепость с призрачным гарнизоном.

— Значит... я в безопасности? — тихо спросила Агес, все еще не веря.

— Пока ты осторожна, — поправила ее Лерамина. — Пока Ратье остается дерзким, но послушным студентом, а не революционером, ты в безопасности. Но твой сегодняшний поступок был на грани.

Она поднялась с пуфа, ее фигура в синеватом свете снова казалась беззащитной, но внутри нее теперь ощущалась стальная воля.

— А теперь... пора спать, — сказала Лерамина, и в ее голосе снова зазвучала знакомая, материнская нота, смешанная с непоколебимой решимостью.

Агес потушила монитор. Комната снова погрузилась в полумрак, освещенная лишь ночным светильником. Она в безопасности. Но радость быстро сменила печать. Какой смысл радоваться, если уже ничего не изменить. Мать права - она не сможет убежать. Она не приспособлена к самостоятельной жизни. Она не сможет убежать. Куда? Она — продукт Гаварда и заботливой, но железной опеки отца. Она не знала, как добывать еду, если ее не приносил автоматон, как платить по счетам, которые всегда оплачивались автоматически, как вести переговоры с грубыми и жадными поставщиками на шумных базарах. Одной ей и дня не протянуть.

Она медленно подняла на мать взгляд, в котором читалась уже не паника, а тяжелая, холодная обреченность.

— Когда? — тихо спросила она. — Когда я должна буду

ехать с ним?

Лерамина замерла у двери, ее силуэт вырисовывался на фоне слабого света из коридора.

— Я не знаю, — ответила она честно. — Пока не знаю. Но завтра... завтра будет новый день. И завтра мы с тобой решим, что делать дальше. А сейчас — спать.

Дверь бесшумно закрылась, оставив Агес наедине с тишиной и мерцающей в темноте «Облачком». Она легла, уставившись в потолок.

Она всю жизнь слушалась. Сначала отца, чье слово было законом, пусть и смягченным любовью. Его запрет на официальную учебу был единственным, что она осмелилась нарушить, и то — с помощью матери, втайне, испытывая жгучий стыд и восторг одновременно. А он, Шебад, даже не подозревая об этом, продолжал решать все ее проблемы, держать удар, ограждать от жестокости внешнего мира. Он был ее щитом. Теперь этого щита не стало.

Возможно, мать сумеет что-то выторговать. Возможно, Идаг, поглощенный своими заводами и синдикатом, будет лишь изредка вспоминать о ее существовании, заточив в каком-нибудь поместье под присмотром слуг. И тогда... тогда, если она будет осторожна, если сможет обмануть бдительность дяди и его приспешников... ее жизнь не так уж и изменится. Тот же самый затворнический образ существования. Та же самая комната, пусть и в другом мире. Тот же самый голографический монитор и запретные курсы, в которые она

будет пробираться под надежным прикрытием Ратье.

Мысль была горькой, но странно успокаивающей. Она вынуждена подчиниться. Это — единственная разумная стратегия. А кто знает... Может, в Карведеле ее жизнь в конечном счете окажется похожей на ту, что была здесь? Пусть и лишенная материнского общества, пусть и под дамокловым мечом дядиной ненависти, но все же — ее собственная, внутренняя жизнь, полная тихих открытий и инженерных озарений. Главное — суметь обмануть Идага. Сделать вид, что она — та покорная, безропотная девушка, которой он хочет ее видеть. Спрятать свой ум, свой огонь, глубоко внутри, за маской послушания.

Она повернулась на бок, глядя на спящее «Облачко», чей перламутровый бок мерцал в темноте. В ее груди, рядом с ледяным комом обреченности, теплилась крошечная, но твердая искорка решимости. Она не будет ломаться. Она наберется терпения и подождет. И может ей повезет, как когда-то ее матери — встретить мужа, который полюбит ее и будет ценить. И уже у него она сможет отвоевать свое право на ту жизнь, которую она хочет. Или, по крайней мере, на ее подобие.

Глава 2

В Распределительном центре дышать было тяжелее, и непонятно, действительно ли причина была в воздухе или в неизбежности расставания. Агес сидела на холодной полированной скамье, вцепившись пальцами в складки своего траурного платья, пока рядом, обняв ее за плечи, сидела Лерамина. Ее тонкие пальцы с нежностью гладили волосы дочери — эти непослушные пшеничные пряди, вечно выбивавшиеся из строгих гаваардских укладок.

«Облачко» осталось дома, в своей корзинке. Его не разрешили взять — багаж был строго лимитирован, да и Идаг ясно дал понять, что «никаких сентиментальных излишеств».

— Я сделаю все возможное, — тихо, но очень четко говорила Лерамина, ее губы почти не шевелились, чтобы не привлекать внимания немногочисленных пассажиров зала распределения. — Я сразу же обращусь к Гарону. Даже по меркам Карведеля, опекун не может полностью лишить мать права видеться с дочерью. Это будет выглядеть чудовищно. Я буду приезжать. Как можно чаще. Я обещаю тебе.

Агес молча смотрела перед собой на сияющий шлюз, за которым угадывался силуэт карведельского грузо-пассажирского судна — угловатого, с грубыми металлическими пластинами на корпусе, так непохожего на изящные глидеры Гаваарда. Но мыслями она была не здесь. Она вернулась на два

дня назад, в тот самый момент, когда в гостиной их дома вспыхнула голограмма.

Он сидел в кресле, за его спиной угадывались стеллажи с чуждыми гаваардскому вкусу механизмами. Идаг. Ее дядя, которого она видела впервые в жизни. Его взгляд — тяжелый, оценивающий — скользнул по ней с головы до ног, и Агес почувствовала себя дефектным товаром, доставленным на склад с опозданием.

Он изучал ее, и в его глазах читалось странное, презрительное довольство. Он видел то, что видел: хрупкую, почти детскую фигуру, лишенную пышных форм, ценимых в Карведе, бледное лицо, слишком большие, по-гаваардски наивные глаза. Она была квинтэссенцией всего, что он презирал в ее родном мире. И этот факт несомненно радовал его — выдать замуж такую будет сложно. Ее непривлекательность по меркам его мира была его страховкой.

Но в то же время его эстетический вкус, привыкший к иному эталону, явно оскорбляла эта худоба. Его взгляд скользнул по ее тонким запястьям, задержался на ключицах, и его губы на мгновение искривились, будто от душного карведельского смога. Он был рад ее ущербности, но ему было противно на нее смотреть.

«— Надеюсь, ты понимаешь, что правила в Карведе иные, — прозвучал тогда его голос, холодный и отточенный. — Никаких гаваардских сантиментов. Никаких иллюзий». Воспоминание было таким ярким, что Агес на мгнове-

ние перестала слышать утешающий шепот матери. Она снова ощутила на себе тот взгляд, который одним лишь своим холодным прикосновением стирал все ее будущее, оставляя лишь роль нежеланной помехи, неприглядного сосуда для ненавистных ему сорока семи процентов.

Голос Лерамины дрогнул:

— Я буду бороться за каждую встречу. За каждый голо-со-звонок. Он не имеет права нас разлучать. Не имеет.

"В Гаваарде — не имеет, — снова, уже затаiskanно и устало, подумала Агес. Здесь, где твой статус вдовы и гавардки еще что-то значит. Там ты для него никто. Чужая. Мать той, кто стоит между ним и его богатством. Зря ты веришь, что законы, права, договоренности что-то значат. Там, в Карведе.

Она хотела сказать матери, что все это — иллюзия. Что «выглядеть чудовищно» — его меньше всего заботит, когда на кону его власть и ненавистные ему сорок семь процентов. Что ее, Агес, могут запереть в самой дальней комнате самого глухого поместья, и никакой Гарон не сможет этого оспорить, потому что опекун «действует в интересах подопечной», а что именно является этими интересами — решает он сам.

Но она промолчала. Зачем отнимать у матери эту последнюю соломинку? Зачем лишать ее той хрупкой надежды, что позволяла ей сейчас держаться, не разрыдаться здесь, на этом сияющем, бездушном вокзале, при всех?

— Я знаю, мама, — тихо выдохнула она, опуская голову ей на плечо. Платье Лерамины пахло знакомым, успокаивающим ароматом — легкой смесью озона и цветочной эссенции, запахом дома, который теперь рушился. — Я буду ждать тебя.

— *Пассажирка рейса CG-847 «Крепость-Гаваард», Агес Талвин. Пройдите, пожалуйста, к шлюзу номер семь для окончательной проверки документов и посадки.*

Слова повисли в воздухе, безличные и неумолимые. Лерамина вздрогнула, ее пальцы инстинктивно сжали плечо дочери. Агес медленно подняла голову с материнского плеча. В ее глазах не было ни страха, ни протеста — лишь плоская, выцветшая пустота, которую она собрала по крупинкам за эти два дня.

— Пора, — тихо сказала она, отводя взгляд от дрожащих губ Лерамины.

Она встала, выпрямив спину. Траурное платье, еще недавно бывшее частью ее старой жизни, теперь казалось униформой заключенной, которую ведут к месту отбытия наказания. Лерамина тоже поднялась, ее изящные руки беспомощно повисли вдоль тела.

— Напиши, как только прибудешь. Хоть строчку. Пожалуйста.

Агес лишь кивнула. Она сделала шаг к сияющему проему шлюза, затем еще один. Ноги были тяжелыми, словно отлитыми из свинца. Она не оборачивалась, чувствуя на спине

пристальный взгляд матери — единственное теплое пятно в ледяном зале.

На пороге шлюза ее остановил служащий в строгой, темной форме Карведеля — ни дать ни взять младшая копия Идага. Он молча протянул руку. Взгляд его скользнул по ее лицу, по платью, и в его глазах Агес прочла то же самое отчужденное презрение, что и у дяди. *Дефектный товар. Гавардская диковинка.*

— Документы, — коротко бросил он.

Агес подала ему гиддок с биометрическими данными. Его пальцы, холодные и безразличные, едва не задели ее ладонь. Он бегло проверил голограмму, сверил с планшетом и кивком указал ей пройти дальше.

— Счастливого пути, мисс Талвин, — произнес он фразу, лишенную всякого смысла, кроме ритуального.

Сделав последний шаг, Агес оказалась в узком переходе, ведущем в чрево корабля. Воздух здесь пах озоном, смазкой и холодным металлом. Пахло чужой жизнью. Она услышала, как за ее спиной с шипением начал закрываться массивный шлюз. Через сужающуюся щель она увидела фигуру Лерамины — одинокую, неподвижную, застывшую в немом крике. Ее лицо было искажено болью, рука поднята в беспомощном прощании.

Агес не подняла руки в ответ. Она лишь смотрела, пока стальная стена не встала между ними окончательно, не оста-

вив ни щели, ни звука. Глухой удар магнитов прозвучал как приговор.

Тишина в переходе стала абсолютной. Давящей. Воздух действительно был другим — густым, с примесью чуждых газов. Теперь не оставалось сомнений: причина была и в нем, и в неизбежности.

Служащий, не назвавший своего имени, провел ее по лабиринту узких, слабо освещенных коридоров. С каждым шагом привычный гаваардский комфорт оставался где-то позади, растворяясь в царстве утилитарного металла и оголенных коммуникаций. Воздух гудел от вибрации, исходившей от самого остова корабля, и этот гул отзывался в костях.

— Ваша каюта, — отрывисто бросил сопровождающий, останавливаясь у неприметной двери с кодом «Дельта-7-Эпсилон». Он ввел шипящий код, и дверь со скрежетом отъехала в сторону, открывая крошечное помещение, больше похожее на камеру или технический отсек.

Агес переступила порог, и ее обдало волной сконцентрированного гула. Здесь он был в разы сильнее, буквально впитывался в кожу. Стены были голыми, без привычных голопроекторов или хоть какого-то намека на уют. В углу стояла приварная к полу койка, у противоположной стены — маленький умывальник и блок рециркулятора воздуха, испускающий едкий химический запах.

Но ее внимание привлекла задняя стена каюты — не ровная, а выпуклая, покрытая массивными теплоотводящими

ребрами. Она была горячей на ощупь, даже на расстоянии. И сквозь обшивку доносился не просто гул, а низкочастотный вой, мощный и неумолимый.

Ионный двигатель.

Каждый ребенок в Гаваарде знал основы. Жилые отсеки всегда выносились в носовую часть, подальше от излучения и вибраций силовой установки. Каюты в хвостовых секциях, вплотную к двигателям, отводились для робототехники и иногда — для низкорангового техперсонала, работавшего здесь вахтовым методом в защитных костюмах. Размещать здесь пассажира было не просто неудобно. Это было опасно.

В ее голове тут же всплыли обрывки знаний: «Нестабильность поля ионного кластера... Риск прорыва когерентного излучения при скачках... Незапланированные гравитационные флуктуации...»

Она повернулась к служащему, который наблюдал за ней с тем же безразличием.

— Здесь... рядом с двигателем, — тихо сказала она, не в силах скрыть легкое дрожание в голосе.

Он холодно посмотрел на нее, и в его глазах не было ни тени удивления или оправдания.

— Места распределяются в соответствии с классом билета и статусом пассажира, мисс Талвин, — отчеканил он. — Для вас было выделено именно это помещение.

Агес смущенно опустила взгляд, разглядывая свои руки. Она сделала шаг вперед, и ее тихий голос прозвучал странно

четко на фоне постоянного гула и ее смущения.

— На Гаваарде пассажиров не селят в смежных с реакторным отсеком каютах, — сказала она тихо. — И не потому, что это некомфортно. А потому что пассажиры бывают разные. В состоянии аффекта, страха, неадекватности... Они способны нанести ущерб системам, от которых зависит жизнь всего судна. Разве правила Карведеля не предусматривают подобных рисков?

На лице служащего, наконец, появилась эмоция. Не удивление, а скорее легкое, презрительное раздражение. Он скользнул взглядом по ее хрупкой фигуре, по тонким, бесполезным с точки зрения карведельских эталонов рукам.

— Правила предусматривают все возможные сценарии, — его голос стал еще более металлическим. — В том числе и необходимость изоляции потенциально нестабильных элементов. Системы двигателя защищены лучше, чем вы можете представить. Попытка повредить их потребует... значительных усилий. И будет пресечена задолго до того, как станет опасной. Правила техники безопасности вам пришлют на бортовой планшет. Настоятельно рекомендую их изучить. Любое вмешательство в работу корабельных систем карается в соответствии с уголовным кодексом Карведеля.

Он сделал паузу, дав ей понять весь смысл его слов.

— Я поняла, — тихо сказала Агес, вновь опуская взгляд. — Благодарю за разъяснения.

Служащий, удовлетворившись ее капитуляцией, кивком

указал на приварную койку.

— Занмите место. Взлет через семь минут.

Дверь закрылась, и Агес осталась одна. Гул двигателя, теперь ничем не сдерживаемый, заполнил собой всё — он давил на барабанные перепонки, вибрировал в зубах, проникал глубоко внутрь черепа. Она медленно опустилась на край койки, ощущая холод приваренного металла даже сквозь ткань платья.

Мысли текли вяло, пробиваясь сквозь гудящую пелену.
Все это странно. Странно или...

Она заставила себя отбросить последнюю мысль. Нет, это было слишком чудовищно, слишком параноидально. *Он хочет меня запугать. Унизить. Показать, кто здесь хозяин. Довести до истерики, чтобы я с самого начала поняла свое место — место тихой, бесправной вещи. Но не этого... Не того, что ты сейчас подумала.*

Ее инженерный ум, привыкший раскладывать реальность на схемы и алгоритмы, принялся анализировать обстановку с холодной, отстраненной точностью, пытаясь найти логичное, не связанное с покушением на жизнь объяснение. *Размещение пассажира в непосредственной близости от ионного двигателя... Против всех норм. Даже для Карведеля. Это же прямая угроза здоровью. Даже для низкорангового персонала здесь работают в защитных костюмах и вахтовым методом.*

Она мысленно представила схему типичного грузо-пассажирского судна. Жилые модули — в носовой части, по-дальше от излучения, вибраций и теоретически возможных аварий силовой установки. Инженерные палубы, техотсеки, склады — в корме. Двери между секциями, рассчитанные на изоляцию в случае разгерметизации или пожара. Стандартная, отработанная десятилетиями схема.

"А здесь... - Она положила ладонь на горячую ребристую стену. Вибрация отозвалась во всем теле. - Здесь я — в самой эпицентре. В случае аварии... в случае сбоя поля... или каскадного резонанса..."

Она мысленно достроила мысль, и по спине пробежали ледяные мурашки. *В случае аварии я пострадаю первой. И не то что до спасательных капсул добраться не успею... выйти из каюты не смогу.* Она бросила взгляд на массивную, герметичную дверь. В аварийной ситуации ее могли заблокировать дистанционно. Или просто давление, температура, радиационный всплеск сделали бы этот выход бесполезным.

Она резко оборвала себя.

"Нет. Не настраивайся на худшее. Это просто демонстрация пренебрежения. Он хочет, чтобы мне было плохо. Неудобно. Страшно. Чтобы я сломалась морально, еще до прибытия. Чтобы было проще мной управлять."

Она попыталась в это поверить. Это было ужасно, но... рационально. В рамках той жестокой, но все же понятной логики власти и контроля, которую она начала изучать со слов

матери. Запугать — подчинить — использовать.

Но ее знания упрямо твердили обратное. Знания, почерпнутые из технических мануалов и форумов по звездной навигации, которые она читала под видом Ратье. *Нестабильность поля ионного кластера... Риск прорыва когерентного излучения...* Это были факторы, которые при определенном стечении обстоятельств превращали хвостовой отсек в смертельную ловушку.

"Это... это просто меры безопасности. Суровые, карведельские. Ничего личного, — пыталась она убедить себя, чувствуя, как по спине ползут ледяные мурашки. — Он ненавидит меня, да. Но он карведелец. Я — его кровь. Пусть испорченная гаваардской примесью, но все же родственная. Он не пойдет на... на такое. Это против всех его кодексов чести, пусть и извращенных. Он будет использовать меня. Выдаст замуж. Запрячет в поместье. Но не станет... убивать."

Мысль казалась такой ясной, такой логичной. Но почему же тогда ее все тело напряглось, как струна? Почему каждый инстинкт кричал об опасности, которая была куда страшнее простого заточения?

Она сжала пальцы, впиваясь ногтями в грубую ткань матраса. Что-то внутри нее шептало, что это была не каюта. Это была ловушка. Изящная, замаскированная под место для пассажира. Ее не просто везли в Карведель как нежеланный груз. Ее поместили в зону максимального риска. Случайность? Невозможно. На таком судне, где каждый санти-

метр пространства распланирован и учтен, ничего не происходит просто так.

Нет, — твердо сказала она себе. Ты преувеличиваешь. Ты напугана.

Она медленно поднялась с койки и подошла к стене с двигателем, как будто могла своими силами опровергнуть собственные тревожные догадки. Положить ладони на горячий металл было больно, но она терпела, вслушиваясь в гул.

Что будет, если с двигателем что-то случится? Случайность. Техническая неисправность. Печальная статистика перелетов. Никто даже бровью не поведет. Особенно если единственная пассажирка в этом отсеке — хрупкая гаваардка, чье существование и так является досадной помехой.

Она посмотрела на голую стену, за которой бушевал ветер. Ее дядя не просто хотел запереть ее. Он хотел, чтобы она исчезла. Аккуратно. Без шума. Без следов. И этот полет был идеальной возможностью.

"Нет, — пронеслось в ее голове с новой, обжигающей силой. — Не так быстро. Не сдалась же я, когда отец запретил учиться. Не сломалась, когда узнала об опекунстве. И сейчас не ломаюсь."

Он хочет несчастного случая. Технической неисправности. Чего-то такого, что не вызовет вопросов. Значит, авария должна произойти здесь, в хвосте. Значит, здесь быть нельзя.

Она не могла бороться с двигателем. Не могла изменить курс корабля. Но она могла исчезнуть из этой ловушки.

Агес медленно поднялась с койки, заставляя себя дышать глубже, прогоняя оцепенение. Ей нужен был план, а не паника. Она окинула взглядом каюту: голая металлическая коробка. Ни шкафов, ни панелей, за которыми можно было бы укрыться. Только дверь.

Дверь, которая, скорее всего, контролировалась извне. Но ее должны были открывать для обслуживания, для проверок. Значит, был механизм и внутри. Ее взгляд упал на небольшой смотровой люк на уровне глаз — затемненное стекло, а рядом — аварийная ручная рукоятка, красная, пыльная, явно не тронутая годами. Протоколы безопасности Гаваарда требовали такого дублирования на всех герметичных дверях.

Она прислушалась. Сквозь всепоглощающий рев двигателя трудно было разобрать что-либо. Но корабль был огромным механизмом, живущим по своему ритму. Сейчас, сразу после посадки и перед взлетом, экипаж был занят последними приготовлениями. Позже начнутся плановые обходы. Значит, время было сейчас.

Ее пальцы сжали холодный металл рукоятки. Она потянула. Ничего. Она налегла всем весом, упершись ногой в стену. С напряжением, от которого зазвенело в ушах, рукоятка с скрежетом поддалась, провернулась на четверть оборота. Раздался шипящий звук сброса давления, и массивная дверь дрогнула, отъехав в сторону на сантиметр.

Сердце Агес бешено заколотилось. Она прильнула к щели, пытаясь разглядеть коридор. Пусто. Гул снаружи был чуть тише, но теперь к нему добавлялись другие звуки — отдаленные скрежеты, щелчки переключателей, приглушенные голоса из системы ретрансляции.

Она просунула пальцы в щель и, напрягая все силы, медленно, бесшумно отодвинула дверь ровно настолько, чтобы протиснуться наружу. Холодный воздух коридора обжег легкие. Она замерла, прижавшись к шершавой стене, стараясь слиться с тенью.

Коридор был узким, слабо освещенным аварийными светильниками. Он вел в двух направлениях: глубже, к нарастающему реву двигателя, и вперед, туда, где гул должен был стихать, уступая место звукам жизни.

Вперед. Только вперед.

Она двинулась, крадучись, прислушиваясь к каждому звуку. Ноги были ватными, но она заставляла их подчиняться. Она прошла мимо нескольких таких же неприметных дверей, отмеченных техническими кодами. Все они были закрыты. Воздух пах озоном и смазкой, но уже не был таким едким, как в ее каюте.

Поворот. Еще один коридор, чуть шире. И тут она увидела его — большой синий люк в полу, прикрытый, но не запечатый на замок. Судя по пиктограмме, он вел в систему вентиляции технических палуб. Не идеальное укрытие, но лучше, чем смертельная камера.

Агес приподняла тяжелую крышку. Оттуда пахло пылью и статикой. Внизу виднелись переплетения труб и кабелей, образующие некое подобие узкой ниши. Без колебаний, она спустилась вниз, ощущая холод металла сквозь тонкую ткань платья. Крышку она потянула на себя, оставив небольшую щель для воздуха.

Тишина. Вернее, не тишина, а иной гул — отдаленный, приглушенный. Здесь не вибрировали кости. Здесь не пекло спину излучением. Здесь было безопасно.

Она свернулась калачиком в тесном пространстве, обхватив колени руками. Дрожь, которую она сдерживала, наконец вырвалась наружу. Она тряслась, стиснув зубы, чтобы не стучать ими.

Семнадцать часов. Она продержится. Она будет сидеть здесь, в пыли и темноте, дыша затхлым воздухом. Она не откроет крышку, не выдаст себя, даже если услышит шаги. Пусть ищут. Пусть думают, что она исчезла, сбежала, или что стряслось с ней в той каюте. Любой вариант был лучше, чем стать аккуратной записью в судовом журнале: «пассажирка скончалась в результате непредвиденной технической неисправности».

Она прижалась лбом к холодной трубе. Стресс и адреналин, подпитывавшие ее побег, постепенно иссякали, сменяясь усталостью. Дрожь в теле не утихала, но теперь она была похожа на мелкую вибрацию перегруженного механизма, готового рассыпаться. Веки налились свинцом, и сквозь мерца-

ющий страх в сознание начал пробиваться тяжелый, неумолимый сон.

В полузабытии мысли текли вязко и обрывочно. Она не должна была ехать к дяде. Эта мысль, отточенная и ясная, резала сознание, как лезвие. Карведель, Идаг, будущее в золотой, но тесной клетке — все это было гибелью. Медленной, унижительной, но неотвратимой. А вот эта каюта-ловушка, этот рев двигателя — гибелью быстрой и безликой. И та, и другая были концом. Но между ними был крошечный, едва уловимый зазор. Просчет. Ее шанс.

«Не сдамся...» — шептало что-то внутри, даже когда разум уже отключался. *«Что-нибудь придумаю... Обязательно...»*

Она не знала, что именно. Но она цеплялась за эту мысль, как утопающий за соломинку. Всегда есть слабое место в системе, ошибка в коде, трещина в броне. Надо только найти ее.

Сжавшись в холодной, пыльной нише, Агес наконец позволила темноте поглотить себя. Ее последнее осознанное ощущение — это вибрация корабля, уже не угрожающая, а почти убаюкивающая, и твердая уверенность, что она не позволит себя сломать.

Она даже не подозревала, что, засыпая в этом убежище из металла и тени, она уже сделала первый шаг к спасению. И что спустя всего пару часов ее жизнь изменится бесповоротно, начавшись с оглушительного, всепоглощающего гула

сирен и яростного удара, отбросившего ее тело о стальные стены ее укрытия.

Глава 3

Оглушительный вой сирены впился в сознание, вырвав Агес из беспамятного, тяжелого сна. На низкочастотный гул накладывался визгливый сигнал бедствия, резавший слух. Сердце дико и беспорядочно забилося в горле. Прежде чем она успела сообразить, что происходит, слепящий красный свет начал пульсировать в такт сирене, заливая тесное пространство ее укрытия inferнальным заревом.

Она попыталась вскочить, но в тот же миг корабль содрогнулся от мощного, глухого удара. Металл заскрежетал, завыл, и Агес с силой швырнуло о сплетение холодных труб. Боль, острая и жгучая, пронзила плечо и бок. Она вскрикнула, но звук потонул в оглушительном грохоте.

Корабль накренился. Ее снова отбросило, теперь уже головой о какую-то задвижку. В глазах потемнело. Сверху, сквозь рев сирен и скрежет разрываемого металла, доносились приглушенные, но отчетливые голоса, полные паники и ужаса. Их заглушил мощный, металлический голос из ретрансляторов, холодный, но неумолимый:

«Экипаж и пассажиры! Немедленно проследуйте к спасательным капсулам по ближайшим маршрутам эвакуации. Повторяю: немедленно проследуйте к спасательным капсулам. Это не учения.»

Агес покачала головой. Это не было похоже на полумку

или технический сбой. Скорее на целенаправленный удар по корпусу. По наружной стороне корабля.

Мысли пронеслись вихрем, отскакивая от стенок черепа. Двигатель. Хвостовой отсек. Она была в самом эпицентре. Ее ловушка стала смертельной зоной по-настоящему.

Страх, ледяной и всепоглощающий, сковал ее на мгновение. Но тут же его сменило острое, животное желание жить. Она не умрет здесь, в этом металлическом гробу, так, как того хотел Идаг. Нет.

Собрав все силы, она оттолкнулась от труб, игнорируя боль в боку. Красный свет выхватывал из тьмы очертания люка над головой. Он сдвинулся от удара, и теперь в щель проникал не только свет, но и звуки настоящего хаоса — бегущие шаги, новые, более близкие взрывы, треск ломающихся переборок.

Она уперлась руками в холодный металл и изо всех сил толкнула крышку люка. Та с грохотом отъехала в сторону. Агес вынырнула в коридор.

Картина была апокалиптической. Красный свет мигал, отбрасывая бегущие, искаженные тени. Воздух был густ от дыма и запаха гари. Где-то близко с шипением били струи пены из пожарных систем. Корабль снова содрогнулся, и под ногами затряслась палуба, заставляя ее схватиться за выступ стены.

Люди — члены экипажа в темной форме — бежали по коридору, не обращая на нее внимания. Они кричали что-то

друг другу, но разобрать было невозможно.

«К капсулам! В носовую часть!» — проревел кто-то прямо над ухом.

Агес рванулась вперед, туда, откуда бежали люди. Туда, где гул должен был стихнуть. Инстинкт и голос из ретранслятора вели ее в одном направлении. Она бежала, спотыкаясь о какие-то обломки, чувствуя, как платье цепляется за острые края оторванных панелей. Каждый новый удар извне отзывался в ее костях, каждый скрежет металла резал по нервам.

Коридор расширился, перейдя в нечто вроде просторного грузового шлюза. Здесь красный свет аварийных прожекторов выхватывал из дыма и хаоса куда более страшные картины. Люди в богатых, хоть и помятых теперь, карведельских костюмах и платьях метались между штабелями ящиков. Но не это заставило ее замедлить шаг и с ужасом выдохнуть.

На полированном металле палубы, у самого входа в поперечный коридор, лежали тела. Двое мужчин и женщина. Их позы были неестественными, застывшими в последнем, отчаянном рывке к спасению. Но не это было самым ужасным. На их дорогой, отороченной золотой нитью одежде зияли черные, обугленные по краям дыры. От тел шел едкий, сладковатый запах горелой плоти и озона — запах, который она знала по описаниям в технических мануалах, но никогда не чувствовала.

Плазменные ожоги.

Сердце Агес на мгновение замерло, а потом забилось с но-

вой, бешеной силой. Это не была авария. Аварии не оставляли после себя такие раны. И экипаж не стал бы стрелять в пассажиров. Мысли, обрывочные и пугающие, пронесли в голове, складываясь в чудовищную мозаику.

Состоятельные пассажиры. Грузо-пассажирское судно на линии Карведель-Гаваард. Внезапная атака. Целенаправленный удар по корпусу, чтобы обездвигить, но не уничтожить. И теперь — плазма.

Пираты.

Слово, холодное и острое, как игла, вонзилось в сознание. Космические хищники, о которых она читала в сводках новостей, которые были одной из причин, по которым ее отец настаивал на бронированных глидерах и частных маршрутах. Они выслеживали добычу, пробивали борт и брали корабль на abordаж, вырезая сопротивление и забирая все ценное: грузы, заложников, корабельные системы.

Ее дядя, Идаг, хотел избавиться от нее тихо, с помощью «несчастливого случая». Судьба, казалось, предлагала куда более быстрый и зрелищный финал — смерть от руки какого-то безликого бандита в дымном коридоре чужого корабля.

Но та же самая мысль, что посетила ее в душной каюте, вспыхнула с новой силой: не сдаваться. Она хотела жить. Она дожна выжить, иначе ее мать останется совсем одна.

Агес прижалась спиной к холодной стене, стараясь слиться с тенью, и бросила взгляд на тела. Они были ограблены. С пальцев сняты кольца, с шеи женщины сорвано массивное

ожерелье. Пираты работали быстро и эффективно.

Откуда-то справа, из глубины корабля, донеслась очередная очередь импульсного огня, более частая и резкая, чем выстрелы плазменных винтовок. Экипаж оказывал сопротивление. Недолгое.

Шаги. Тяжелые, уверенные, гулко отдающиеся в металлическом коридоре. Не панический бег пассажиров, а методичное, хищное продвижение. Агес отпрянула, забившись в нишу между двумя массивными коробами с маркировкой «Запчасти — хрупкое».

Из дыма вышли трое. Ни дать ни взять — ожившее воплощение ее самых мрачных представлений о Карведеле, доведенных до гротеска. Они были в разношерстной, выдавшей виды броне. Их лица, покрытые шрамами и татуировками, искажали жадные, жестокие ухмылки. Двое несли тяжелые плазменные винтовки, третий — компактный, но грозного вида гранатомет.

— Обшарили трюм, капитан чистит мостик, — прокричал один из них, его голос был хриплым, как скрежет железа. — Осталось проверить хвост. Говорили, там движок глючит, может, техники спрятались.

— Да пошли они! — отмахнулся второй, пиная ногой тело одного из пассажиров. — Богачей тут хватает. Тащить надо, пока свои же не обчистили.

— Приказ — зачистить до конца. Капитан не любит, когда за спиной мусор, — невозмутимо ответил третий, тот, что с

гранатометом. Его взгляд, холодный и пустой, как глубокий космос, скользнул по коридору и на секунду задержался на нише, где пряталась Агес.

Она затаила дыхание, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Его глаза были не просто жестокими. Они были лишены чего-то человеческого, словно он давно перестал видеть в людях что-либо, кроме мишеней или добычи.

Пираты двинулись дальше, в сторону хвостовых отсеков, туда, откуда она только что сбежала. Их шаги скоро растворились в общем гуле, но ледяной страх, который они оставили после себя, витал в воздухе, густой и липкий.

Они шли «зачищать» хвост. Ее каюту. Если бы она осталась там... Судорожный спазм прошел по ее телу.

Теперь она понимала. Ее крошечный, отчаянный побег из одной ловушки привел ее напрямик в другую, куда более страшную. Но сейчас у нее появился шанс. Пираты были здесь, на корабле. Эвакуация шла полным ходом. Спасательные капсулы.

Она должна была добраться до них. Сейчас. Пока пираты были заняты в корме, пока экипаж хоть как-то отвлекал их внимание.

Собрав остатки сил, Агес выскользнула из укрытия. Она бросила последний взгляд на мертвых пассажиров, и горькая, беспомощная ярость подступила к горлу. Они были всего лишь вещами, помехой на пути у этих людей. Так же, как и она была вещью для Идага. Разница была лишь в способе

утилизации.

Она рванулась вперед, к обещанию спасения, оставляя за спиной дым, смерть и оглушительный рев сирены, который теперь звучал как погребальный марш по всему ее старому миру. Новый, полный жестокости и опасности, только что начался, и первой его главой стал запах гари и плазмы.

Она свернула за угол и увидела его — длинный коридор, в конце которого мерцал зеленый светящийся знак: «СПАСАТЕЛЬНЫЕ КАПСУЛЫ». Возле него толпились люди, давили друг друга, пытаясь протиснуться в узкие люки.

Внезапно раздался оглушительный грохот прямо над головой. Потолок в конце коридора прогнулся, посыпались искры и обломки. Раздался душераздирающий крик, и зеленый свет погас, сменившись крошечной тьмой, которую прорезали только лучи карманных фонарей и пульсирующая аварийная подсветка.

Ее путь был отрезан.

Ужас сдавил горло. Она замерла, не в силах двинуться с места. Воздух с каждой секундой становился все более едким, в груди начинало саднить. Кислород. Кончается кислород.

«Запасной выход! Через грузовой отсек!» — крикнул кто-то из бегущих мимо нее членов экипажа, указывая в сторону ответвления коридора, которое вело вглубь, в еще более темные и, казалось бы, опасные области корабля.

Это был безумный риск. Идти глубже, а не к носу. Но по-

зади был только рев гибнущего двигателя и верная смерть. Впереди — обрушенный коридор. Альтернативы не было.

Стиснув зубы, Агес рванула в указанном направлении. Ей пришлось пролезть через развороченный дверной проем, и она оказалась в огромном, сумрачном пространстве грузового отсека. Стеллажи были повалены, контейнеры сорваны с креплений и разбросаны, словно игрушки. В воздухе плавала пыль, смешанная с дымом.

И тут она увидела их. В стене отсека, слабо освещенные аварийными прожекторами, зияли несколько открытых глитеров. Видимо, это был запасной, редко используемый сектор эвакуации. Людей вокруг почти не было — лишь несколько окровавленных, оглушенных пассажиров, которых вел к капсулам бортпроводник.

Он резко обернулся, слыша позади ее шаги. Его лицо залито кровью из рассеченной брови, и его взгляд на мгновение зацепился за Агес. Он был молод, почти мальчик, со светлыми карведельскими волосами, прилипшими ко лбу от пота и крови.

— Держись! — сипло крикнул он, и его пальцы, сильные и шершавые, словно тиски, сомкнулись на ее тонком предплечье.

Боль, острая и неожиданная, пронзила онемевшую руку. Он дернул ее с такой силой, что Агес едва не полетела вперед, споткнувшись о порог шлюза. Мир сузился до полосы задымленного коридора, до спины бортпроводника в по-

рванной форме и до зеленоватого света панели управления, где его свободная рука уже тянулась к большой синей кнопке с пиктограммой открывающегося шлюза.

— Быстрее! — его крик был сорванным, полным осознания того, что секунды на исходе.

Раздался шипящий гидравлический звук, и массивная створка глитера начала медленно, слишком медленно, отъезжать в сторону, открывая узкую щель в темноту космоса, сжатую рамкой спасательной капсулы.

И в этот момент из-за поворота, окутанные дымом и теньями, вышли они.

Трое. Те самые, что шли на зачистку. Теперь их взоры были прикованы к группе у глитера.

— Стоять! — закричал бортпроводник, разворачиваясь и резко толкая Агес за спину, к открывающемуся люку.

Он успел выхватить из кобуры на поясе компактный импульсный пистолет. Оранжевая вспышка осветила дым, резко и ярко. Глухой хлопок выстрела ударил по ушам.

Агес инстинктивно пригнулась, прижимаясь к холодному корпусу капсулы. Она видела, как первый пират, тот, что с гранатометом, лишь фыркнул, отшатнувшись, и плазменный заряд прошел мимо, оставив на стене расплавленную полосу.

Ответный выстрел был мгновенным. Ослепительный сгусток зеленоватой плазмы прошел грудь бортпроводника. Он не вскрикнул — лишь выдохнул, будто от неожиданного толчка, и его тело, обугленное в районе сердца, безвольно

рухнуло на палубу. Запах гари и печеного мяса ударил в ноздри.

Агес застыла, не в силах отвести взгляд от дымящегося пятна на его форме.

Ее взгляд скользнул дальше. Рядом, у другого глитера, стоял юный парень, лет девятнадцати, в дорогом, но испачканном плаще. Он застыл в позе оцепенения, его глаза были широко раскрыты от ужаса. Один из пиратов, не целясь, плеснул в его сторону из плазменной винтовки. Заряд ударил парню в лицо. Не было ни крика, только короткий шипящий звук и падение обезображенного тела.

Чуть поодаль женщина средних лет, с седеющими висками, пыталась заслонить собой пожилую пару. Она что-то кричала, но слова тонули в грохоте. Пират, тот что с хриплым голосом, спокойно прицелился и выстрелил ей в спину. Она сложилась пополам и упала.

Пожилая пара, дрожа, подняла руки. Седая женщина, с благородными, но искаженными страхом чертами лица, говорила, ее голос дрожал, но был полон достоинства:

— Не надо... Забирайте все. Деньги, драгоценности... Мы не будем сопротивляться. Просто отпустите нас.

Пират с хриплым голосом грубо рассмеялся, показывая желтые, кривые зубы.

— Мы и так все возьмем, бабка. Сами. Без твоего разрешения.

Его напарник, тот что помоложе, с хищным оскалом, уже

обыскивал карманы убитого парня. Его взгляд скользнул по старикам, оценивающе, и на мгновение задержался на Агес, прижавшейся к капсуле. Он ткнул локтем своего товарища.

— Эй, Грох, глянь-ка. Цыпочка притаилась.

Грох, пират с гранатометом, медленно повернул голову. Его пустой, холодный взгляд упал на Агес. Он окинул ее с головы до ног — испачканное сажей и пылью траурное платье, бледное, испуганное лицо, тонкие, беспомощно дрожащие руки. Уголки его губ медленно поползли вверх в уродливой, сладострастной ухмылке.

— Какая цыпа! — просипел он, и его голос прозвучал как скрежет камня по металлу. — Гаваардская, что ли? Худая, но... симпатичная. На утеху команде сгодится.

Он сделал шаг к ней, его броня гроыхала. Двое других переглянулись и тоже двинулись вперед, отрезая ей путь к отступлению. Сзади был только открытый люк спасательной капсулы.

Агес отшатнулась, чувствуя, как ледяная волна страха смывает все остальные эмоции. Она прижалась спиной к холодному металлу капсулы. Предел. Дальше отступать было некуда.

Взгляд Агес, отчаянно скользивший по задымленному отсеку в поисках хоть какого-то выхода, зацепился за едва заметную линию на полу. Тонкая, полукруглая впадина, пересекающая всю ширину прохода прямо перед глитерами. Ее инженерный ум, работавший на пределе, молниеносно сопо-

ставил факты: грузовой отсек, запасные глитеры, потенциальный риск разгерметизации...

Аэрогельный шлюз. Аварийная система изоляции. При активации из потолочных распылителей под огромным давлением выбрасывается специальный состав, который на воздухе мгновенно расширяется и застывает, образуя пористую, но невероятно прочную и герметичную стену.

Но панель управления! Где она? Ее глаза метнулись к стене. Там, в метре от нее, за стеклом, покрытым паутиной трещин, тускло горел индикатор, а под ним — аварийный рычаг, окрашенный в предупреждающий желто-черный цвет.

Пираты были уже в двух шагах. Ухмыляющаяся физиономия Гроха заполнила все ее поле зрения.

Не думая, почти не дыша, Агес рванулась к телу бортпроводника. Ее пальцы, скользкие от пота, с трудом разжали его окоченевшую хватку на рукоятке импульсного пистолета. Вес оружия оказался неожиданным, чужим.

Она взвела его, как видела в фильмах, и, не целясь, повернулась к панели на стене.

— Эй, что ты... — сипло крикнул один из пиратов.

Выстрел.

Оранжевый сгусток энергии ударил в защитное стекло панели. Оно взорвалось внутрь, осыпавшись хрустальным дождем. Искры, дым. Агес, зажмурившись, нажала на спуск еще раз, и еще, пока палец не онемел от отдачи, пока пистолет не замолчал, истощив заряд.

Наступила тишина на долю секунды. И тут же ее нарушил нарастающий, пронзительный шипение.

Сверху, из скрытых лючков в потолке, с оглушительным ревом хлынула белоснежная пена. Она неслась вниз, как лавина, сметая все на своем пути. Пираты отшатнулись, подняли руки, пытаясь закрыться — но было поздно.

Аэрогель обрушился на них, на пол, на стены. Он сбил их с ног, окутал с головой, и почти мгновенно — с резким, похожим на хруст льда звуком — застыл.

Пена превратилась в твердую, непроницаемую стену цвета слоновой кости, пересекающую отсек от пола до потолка. За этой причудливой, пористой глыбой угадывались лишь смутные, застывшие в яростных позах тени пиратов.

Агес, задыхаясь, отпрянула, упираясь в глитер. Она была в безопасности. Но лишь на время. Аэрогель был прочен, но против плазменного оружия... Он выдержит минуту, может две.

Не думая, не позволяя страху парализовать себя снова, она бросилась к открытому люку ближайшего глитера. Кабина была тесной, утилитарной. Кресло пилота, минималистичная панель управления, запыленный экран бортового компьютера.

Только включить. Только вывести отсюда.

Она рухнула в кресло, ее пальцы лихорадочно забегали по сенсорным панелям, заставляя дрожать. Экран мигнул, выдавая стандартное меню. Она не умела управлять, не знала

тонкостей навигации. Но базовый алгоритм запуска и отстыковки был унифицирован для всех аварийных средств.

Она ткнула в иконку «Аварийный старт». Раздался вибрирующий гул — заработали подъемные двигатели. Глитер мягко приподнялся на полметра над палубой.

Теперь — шлюз. Нужно было открыть внешние двери.

Ее взгляд упал на меню «Внешние системы». Она открыла его, нашла подпункт «Шлюз Дельта-7». Иконка с изображением двери была красной — ЗАКРЫТО.

Из-за стены из аэрогеля донесся приглушенный, но яростный гул. Плазма. Они уже начали выжигать себе путь. На белой поверхности появилось расплавленное пятно, растущее с каждым секундой.

Пальцы Агес дрожали. Она нажала на иконку. Всплыло предупреждение: «Открытие шлюза при разгерметизации отсека? ПОДТВЕРДИТЕ».

Она ударила по кнопке «ДА».

Снаружи, за корпусом глитера, послышался мощный скрежет массивных механизмов. Свет в отсеке погас, сменившись аварийным красным. Загорелась надпись: «РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ».

Внешняя створка шлюза медленно поползла в сторону, открывая ослепительное марево. Яркий, медного оттенка свет хлынул внутрь, и Агес зажмурилась от неожиданности.

Перед ней, простираясь до самого горизонта, лежала бескрайняя пустыня. Красный, рыжий, почти кровавый песок,

дюны, волнами уходящие вдаль, и безжалостное солнце в блеклой, выцветшей атмосфере.

Пустыни Ордела, что отделяли Гаваард от Карведеля.

В тот же миг стена из аэрогеля с оглушительным треском распалась на куски. В проеме, объятые дымом и яростью, стояли двое пиратов. Грох, весь в белой пыли, словно призрак, поднял свою плазменную винтовку.

— Гаваардская шлюха! — проревел он.

Агес, не раздумывая, рванула рычаг управления тягой вперед.

Глитер, все еще ориентированный на открытый шлюз, дернулся и рванул в проем. Плазменный заряд просвистел в сантиметрах от кабины, опалив корпус.

И вот она — свобода. Оглушительный ветер, песок, бьющий в стекло, и бескрайнее, пугающее безмолвие красной пустыни. Корабль-тюрьма, корабль-ловушка остался позади, гигантским раненым зверем, возвышающимся над дюнами.

Агес судорожно вцепилась в штурвал. Ее пальцы скользили по потным рукояткам. Глитер вилял, рыскал, подчиняясь не столько ее дрожащим рукам, сколько порывам горячего ветра, бушующего над пустыней. Он то проваливался в воздушные ямы, то взмывал вверх, заставляя сердце Агес замирать где-то в горле.

Она боялась оглянуться. Боялась увидеть на радаре или в задние камеры погоню — другие глитеры пиратов, вырвавшиеся из брюха корабля. Но на экране, помимо предупре-

ждений о перегрузке двигателей и повреждении корпуса, царилла пустота. Лишь одинокая метка разбитого транспорта быстро уменьшалась позади.

«Улететь. Просто улететь подальше», — это была единственная мысль, пульсирующая в сознании, заглушая панику.

Она толкнула рычаг тяги вперед, заставив глйтер с ревом рвануть сквозь марево. Песчаная буря била в лобовое стекло, превращая мир за ним в рыжую, движущуюся стену. Агес летела почти вслепую, полагаясь на показания высотомера, чтобы не врезаться в дюну.

Управление было кошмаром. Аппарат кренился, заносило, он не слушался. Она была инженером-теоретиком, а не пилотом. Ее знания о импульсных стабилизаторах и резонансных контурах были бесполезны здесь, в этой кабине, трясущейся как в лихорадке. Каждый вираж давался с трудом, каждое выравнивание было победой.

Но она летела. Прочь от корабля, прочь от смерти. Минуты складывались в часы. Солнце, медное и безжалостное, начало клониться к горизонту, отбрасывая длинные, искаженные тени от барханов. Бескрайнее море песка под ней меняло оттенки — от ярко-рыжего к кроваво-красному, а затем к глубокому пурпуру.

Напряжение постепенно начало сменяться усталостью. Руки затекли, веки слипались. Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту и сосущую под ложечкой тошноту.

Она не знала, куда летит. Знала лишь, что пустыни Ордела простирались на сотни тысяч километров с небольшими очагами варварских поселений. Ей нужно было долететь, и уже не важно куда - в Гаваард или Карведель. Главное, по-дальше от песка.

Внезапно резкий, визгливый сигнал пробился сквозь гул двигателя. На панели замигал красный индикатор — «ТОПЛИВО КРИТИЧЕСКОЕ».

Сердце Агес упало. Она лихорадочно сканила интерфейс, ища данные о запасе хода. Цифры были неутешительными. Еще несколько километров. От силы.

Она потянула штурвал на себя, пытаясь найти ровную площадку для посадки. Но пустыня была безжалостна — одни лишь волны дюн, уходящие за горизонт.

Двигатель захлебнулся. Гул сменился прерывистым, хриплым кашлем. Глитер дернулся, потерял высоту.

Агес изо всех сил потянула на себя ручку, пытаясь выровнять падение. Песок стремительно приближался.

Удар был жестким, но не катастрофическим. Глитер с грохотом плюхнулся на склон гигантской дюны, пропахал по песку несколько метров и, накренившись, замер.

Тишина.

Глухая, оглушительная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием остывающего корпуса и завыванием ветра снаружи.

Агес сидела, вцепившись в подлокотники кресла, вся дро-

жа от перенапряжения. Перед ней, за стеклом, покрытым слоем красной пыли, лежала бескрайняя, безжизненная пустыня. Где-то там, за сотни километров, возможно, был ее дом, Гаваард. А здесь, сейчас, была только она, и пустота.

Она выбралась. Она пережила кораблекрушение, пиратов, падение. Каким то чудом. Но шансы выжить в пустыне одной казались такими же призрачными, как мираж над раскаленным песком.

Глава 4

После оглушительного гула двигателя и скрежета посадки была лишь тишина. Агес сидела, вцепившись в подлокотники, и слушала, как ее собственное сердце медленно успокаивается, а металл корпуса пощелкивает, остывая. Потом она отстегнула привязные ремни.

Она сбежала. У нее получилось, каким-то чудом вырваться из лап смерти. Но теперь Агес не представляла, что ей делать. Ее инженерный ум, даже подавленный паникой и отчаянием, требовал системного подхода. И тогда первым делом девушка решила, что нужно оценить ущерб. Она запустила диагностику. На потрескавшемся экране одна за другой всплывали строки с предупреждениями, окрашенные в траурный красный. «Повреждение шасси. Нарушение целостности обшивки. Отказ навигационного массива». И главное, итоговая, беспощадная строка: «Критическое повреждение двигателя. Полёт невозможен. Требуется капитальный ремонт».

Глитер был не просто помят. Он был мертв. Превратился из средства спасения в металлический гроб, застрявший посреди бескрайней рыжей пустыни.

В желудке заурчало, и вторая мысль была более осознанной - нужно найти еду. Она с трудом поднялась с кресла, чувствуя, как ее тело ныло от перенапряжения и ушибов.

Небольшое пространство кабины было засыпано красноватой пылью, просочившейся через микротрещины. Агес обошла его, постукивая по панелям, заглядывая в технические ниши. Все, что она находила — это стандартный аварийный набор: комплект инструментов, медицинский аптечка с базовыми средствами, огнетушитель. Никаких следов провизии или воды.

Отчаянные поиски стали ритуалом самоистязания. Она выдвигала ящики, ощупывала пространство под креслами, вскрыла панель под главной консолью в тщетной надежде найти хоть что-то — спрятанный аварийный паек, бутылку с дистиллятом. Ничего. Конструкторы глитера, видимо, считали, что если пассажир добрался до спасательного средства, то помощь уже близка. Они не рассчитывали на многодневное выживание в пустоши.

Воздух в кабине стремительно остывал вместе с заходящим солнцем. Медный диск скрылся за грядой дюн, и безжалостный жар сменился пронизывающим холодом. Стекло кабины покрылось изнутри ледяным узором. Агес ежась, запустила систему обогрева, переводя на нее последние проценты резервного питания от бортовых аккумуляторов. Она знала, что это агония — без подзарядки от двигателя они протянут недолго. Но мысль о том, чтобы замерзнуть насмерть в этой металлической скорлупе, была невыносима.

Теплый, сухой воздух повис в кабине. Она свернулась в кресле пилота, подтянув колени к подбородку, и накрылась

найденным в аптечке тонким термоодеялом. Оно было похоже на паутину и почти не грело.

И вот тогда, в гулкой, холодной тишине, озаренной лишь тусклым светом аварийных приборов, ее накрыло волной самоосознания, горькой и беспощадной. Всю свою жизнь — все семнадцать лет — она была под колпаком. Сначала — могущественного, любящего отца, чья воля ограждала ее от жестокости мира, как неприступная стена. Потом — заботливой, изобретательной матери, которая в тени этой стены создала для нее иллюзию свободы, тайный мирок из голограмм и знаний.

Ей не приходилось думать о еде — ее приносил бесшумный автоматон. Одежда появлялась в гардеробе сама собой. Даже доступ к запретным знаниям, ее главное бунтарство, был тщательно организован и обеспечен матерью. Она была как изнеженная орхидея в стерильной лаборатории, чьи корни никогда не знали грубой, настоящей почвы.

Агес вспомнила, как в детстве, играя в саду с голографическими схемами, она уронила свой планшет. Она даже не попыталась его поднять — просто позвала робота-слугу. И он немедленно появился, подобрав и протерев устройство. Тогда это казалось естественным.

Теперь, в ледящем гробу разбитого глитера, это воспоминание вызвало у нее приступ горьких, беззвучных рыданий. Слезы текли по ее грязным щекам, оставляя белые полосы, и капали на запыленную приборную панель. Она бы-

ла беспомощной. Бесполезной. Ее блестящий ум, способный разгадывать сложнейшие инженерные задачи, был абсолютно непригоден здесь, в пустыне. Она не знала, как добыть воду, как найти пищу, как развести огонь. Она не знала, в какую сторону идти.

«Я умру здесь, — шептала она, содрогаясь от рыданий. — Через день. Может, два. От жажды. Или холода».

Мысли о матери, об Идаге, о пиратах — все это казалось теперь далеким, почти ирреальным сном. Единственной реальностью был ужас приближающейся смерти. Она была просто телом, брошенным на погибель, и ее сознание, ее «я», тайный гений Ратье Арнева, не имели здесь никакого значения.

Она плакала долго, пока не почувствовала себя совершенно опустошенной. Слезы высохли, оставив после лишь ледяную, кристальную ясность отчаяния. Система обогрева работала все тише, натужно гудя, высасывая последние соки из аккумуляторов. Сквозь стекло были видны звезды — миллионы холодных, безразличных точек в черной бархатной ткани неба. Ни огонька на горизонте. Ни признака жизни.

Она закрыла глаза, пытаясь представить себе уют своей комнаты в Гаваарде, мягкий пуф, мурлыкающее Облачко. Но образы были блеклыми и далекими, как воспоминания из предыдущей жизни.

Остаться здесь — значило умереть. Сидеть и ждать, пока закончится топливо, а с ним — тепло и жизнь. Ее отец,

Шебад, никогда бы не сдался. Он бы боролся до конца, даже против устоев целого мира. Но она не была своим отцом. Она была его дочерью — хрупкой, изнеженной, неприспособленной, от которой всю жизнь ждали лишь покорности.

И все же, даже сквозь толщу страха и жалости к себе, в глубине души тлела та самая искорка, что зажглась, когда она решила бросить вызов учебной программе. Та самая, что заставила ее найти слабое место в схеме импульсного стабилизатора. Та самая, что толкнула ее на побег из каюты-ловушки.

Сдаваться было легко. Это был путь наименьшего сопротивления, к которому ее приучила вся ее жизнь. Но что-то внутри, упрямое и несгибаемое, отказывалось гасить этот крошечный огонек.

Она не знала, что делать. Никакого плана не было. Только слепая, инстинктивная воля — прожить еще хотя бы один час. Еще один рассвет.

Дрожа от холода, Агес закуталась в термоодеяло плотнее и уткнулась лицом в спинку кресла. Снаружи завывал ветер, пересыпая песок с дюны на дюну, засыпая следы ее падения. Мир сузился до размеров холодной кабины и до следующего удара ее собственного, все еще бьющегося сердца.

Ночь тянулась бесконечно. Агес не спала. Каждый нерв был натянут струной, каждый звук снаружи — шелест песка, скрип остывающего металла — заставлял ее вздрагивать и вжиматься в кресло. Холод проникал сквозь тонкое одея-

ло, пробирался под одежду, костенил пальцы на ногах и руках. Она дрожала мелкой, неконтролируемой дрожью, стиснув зубы, чтобы они не стучали.

Мысли металась по замкнутому кругу: от леденящих душу картин медленной смерти — обезвоживание, переохлаждение — к горьким воспоминаниям о капле воды, которую она не допила утром, о крошке хлеба, оставшейся на тарелке после завтрака. Ей казалось, что она чувствует, как влага покидает ее тело с каждым выдохом, как сжимается от голода желудок. Это было невыносимо. Ей уже казалось, что она зря сбежала. Может было лучше остаться там, на корабле? Получить свой плазменный выстрел, когда пираты вдоволь бы натешились с ней? Может лучше быстрая смерть, чем долгое и мучительное ее ожидание?

Когда за стеклом наконец начал разливаться серый, безрадостный свет утра, Агес почувствовала себя совершенно разбитой. Голова гудела от недосыпа и обезвоживания, губы потрескались, во рту стоял мерзкий медный привкус. Но с первыми лучами солнца пришла и первая за ночь более-менее ясная мысль.

Сигнал бедствия.

Она с трудом отлепилась от кресла, ее тело затекло и болело. Пальцы, одеревеневшие от холода, с трудом нащупали кнопку включения коммуникатора. Экран остался черным. Она тыкала в сенсоры снова и снова, пока до ее сознания не дошла простая истина: резервные аккумуляторы, которые

она всю ночь тратила на обогрев, сели окончательно. Глитер был мертв не только как летательный аппарат, но и как источник энергии. Последняя ниточка, связывающая ее с цивилизацией, оборвалась.

"Дура! - пронеслась мысль. - Какая же я дура!"

Это было последней каплей. Она опустила голову на холодную панель приборов и снова зарыдала. Но эти слезы были иными — не горькими, а яростными, полными бессильной злости на собственную беспомощность, глупость, на сломанную машину, на всю эту жестокую, бессмысленную ситуацию. Она била кулаком по неподвижному штурвалу, пока костяшки не заныли.

И именно в этой точке отчаяния, на дне, куда ее загнали голод, холод и страх, в ее сознании, как искра, вспыхнула безумная, отчаянная идея.

Кочевники. Пустынные варвары.

В памяти всплыли обрывки данных, сухие строки из архивов и учебников по этнографии, которые она пролистывала из любопытства. «Племена пустыни Ордела... Ведут кочевой образ жизни... Социальная структура — клановая... Технологический уровень — низкий, с акцентом на выживание в агрессивной среде... Избегают контактов с техногенными цивилизациями Гаваарда и Карведеля... Считаются непредсказуемыми и потенциально враждебными».

Это был прыжок в пропасть. Встреча с ними могла означать смерть, еще более страшную, чем медленное угасание

здесь. Рабство. пытки. Но это был шанс. Пусть призрачный. Пусть один из десяти тысяч.

Бездействие же было стопроцентной смертью. Медленной, унижительной, в одиночестве. Сидеть и ждать конца в этом металлическом гробу — это было выше ее сил. Ее отец, Шебад, никогда не выбрал бы такой путь. Он боролся бы до последнего вздоха.

Мысль о том, чтобы просто идти, сдвинуться с места, казалась одновременно безумием и единственным возможным действием. Бездействие было пыткой. А глитер... глитер был теперь всего лишь бесполезной грудой металла, памятником ее неудачному побегу и собственной глупости.

«Идти, — прошептала она, и ее голос прозвучал хрипло и чуждо. — Просто идти».

Она с трудом поднялась на ноги, откинула спасительное, но бесполезное теперь одеяло. Осмотрела себя. Траурное платье было порвано и испачкано, тонкая ткань не могла защитить ни от палящего солнца, ни от ночного холода. На ногах — легкие туфли, абсолютно не приспособленные для пеших переходов по дюнам.

Обыскала кабину в последний раз, уже без особой надежды. В аптечке нашла небольшой рулон стерильного бинта и пузырек с антисептиком. Смехотворные средства для выживания в пустыне. Больше ничего.

Собрав всю свою волю, Агес подошла к аварийному люку. Ручной механизм сработал с трудом, с громким скрежетом.

Поток сухого, раскаленного воздуха ударил ей в лицо, заставив закашляться. Солнце, поднявшееся уже над горизонтом, ослепило ее.

Перед ней простиралось бескрайнее море песка. Ни признака тени, ни намека на воду. Только волны дюн, уходящие к кроваво-красному горизонту.

Она сделала шаг из глитера. Песок поддался под ее ногой, осыпаясь. Еще шаг. И еще.

Она не знала, куда идет. Просто вперед, прочь от этого места, прочь от своего металлического надгробия. Может быть, удача, отвернувшаяся от нее, все же сжалится и улыбнется. Может быть, за следующей дюной она увидит след. Услышит колокольчик каравана. Увидит дымок костра.

Агес шла, спотыкаясь о сыпучий песок. Она была одна. Совершенно одна в безмолвном, безжалостном мире. Но каждый шаг, каждый метр, отвоеванный у пустыни, был ее крошечной, отчаянной победой над отчаянием.

Первые лучи солнца, сменившие ночной леденящий холод, показались ей благословением. Она расправила плечи, почувствовав, как приятное тепло разливается по застывшим мышцам, прогоняя остатки ночной дрожи. Казалось, мир стал хоть чуточку добрее. Она даже на мгновение закрыла глаза, подставив лицо небу, вдыхая сухой, но уже не леденящий воздух.

Но благодать была короткой. Медный диск солнца, поднимаясь выше, быстро сбрасывал с себя утреннюю мягкость.

Тепло превратилось в жар, затем в иссушающий зной. Песок под ногами из прохладного и рыхлого стал раскаленным, и жар через тонкие подошвы туфель жег ступни. Воздух заколебался маревом, искажая горизонт, делая его насмешливым, недостижимым миражом.

Солнце жгло нестерпимо. Оно било в макушку, в плечи, отражалось от ослепительно-рыжей поверхности песка, окружая ее со всех сторон палящим заревом. Голова быстро закружилась, в висках застучало. Пот, которого, казалось, уже не оставалось в ее истощенном теле, выступил на лбу и тут же высыхал, оставляя на коже соленую, стягивающую корку. Губы уже потрескались до крови.

Остановившись, чтобы перевести дух, Агес с ужасом осознала, что не может выделить слюну, чтобы смочить их. Горло было сухим и шершавым, как наждачная бумага. Каждый вдох обжигал легкие.

Она сняла одно из своих туфель — тонкую, изящную, созданную для сияющих полированных залов. Подошва была почти прожжена, а ее ступня, покрытая красной пылью, горела. Мысль о том, чтобы пройти в такой обуви еще хоть километр, казалась безумием. Но идти босиком по раскаленному песку было равносильно самоубийству.

Отчаяние, ненадолго отступившее с первыми лучами солнца, вернулось с утроенной силой, приправленное новым, физическим страданием. Она снова поплелась вперед. Ее шаги замедлились, стали еще более неуверенными. В гла-

зах стояли слезы, но они не текли — тело берегло последние капли влаги.

Она подняла взгляд к безжалостно-синему небу, где солнце висело теперь как разоблаченный палач.

«Всего лишь утро... — промелькнула в голове слабая, испуганная мысль. — А впереди... целый день».

И этот день казался ей вечностью, которую ей не пережить.

"Что я наделала?" - мысль ударила с такой ясностью, что у нее перехватило дыхание.

Глитер. Холодный, мертвый, бесполезный — но все же укрытие. Хотя бы от солнца. Хотя бы стены, к которым можно прижаться. Там были стены. А здесь — ничего. Только бескрайнее, плоское, палящее ничто.

Она резко обернулась, сердце заколотилось в надежде, столь же стремительной, сколь и безумной. Может быть, он еще близко? Может, она прошла не так уж далеко?

Но позади простиралась та же самая картина: бескрайние волны дюн, однообразные, безликие. Ни следа ее ног — ветер уже замел их рыжей пылью. Ни намека на темное пятно металла на горизонте. Только песок. Песок до самого края мира.

Она закружилась на месте, глаза лихорадочно выискивали хоть что-то знакомое — более высокую дюну, странный камень, что угодно. Но нет. Все дюны выглядели одинаково. Все направления были равны в своей безнадежности.

Паника, холодная и липкая, подступила к горлу. Она побежала. Не в ту сторону, где, как ей казалось, был глитер, а просто назад, туда, откуда пришла, надеясь на чудо, на проблеск памяти. Песок цеплялся за ноги, осыпался, каждый шаг давался с невероятным усилием. Она бежала, спотыкаясь, задыхаясь, пока уколы боли в боку и свист в ушах не заставили ее остановиться, согнувшись пополам.

Он исчез. Бесследно. Как будто его и не было.

Стоять на месте было невыносимо. Идти вперед — бессмысленно. Возвращаться — некуда.

Она медленно опустилась на колени, и горячий песок обжег кожу сквозь ткань платья. Бессилие охватило ее с новой, сокрушительной силой. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, пытаясь физической болью заглушить боль душевную, этот всепоглощающий ужас осознания своей абсолютной, окончательной потерянности.

«Я сойду с ума, — прошептала она в раскаленный воздух. — Я умру здесь, и никто никогда не найдет.»

Ветер, ее единственный спутник, завыл в ответ, поднимая облачко пыли и засыпая след ее безумной пробежки. Он стирал ее присутствие так же легко, как она стерла из памяти путь к своему последнему укрытию.

Через пару часов солнце достигло зенита, превратившись в ослепительно-белый шар, выжигающий все живое. Каждый вдох был похож на глоток огня. Ноги, стертые в кровь туфлями, горели и немели попеременно. Голова раскалывалась

от боли и жажды, в ушах стоял непрерывный звон. Она уже не видела горизонта — лишь мелькание песка под ногами, ослепительные блики и темные пятна в глазах.

Она шла, почти не осознавая этого, двигаемая лишь инерцией и остатками животного инстинкта. Шаг. Еще шаг. Еще. Песок предательски осыпался, заставляя спотыкаться, тратить последние силы.

И вот силы окончательно оставили ее. Ноги подкосились, и она рухнула на колени, а затем грузно повалилась на бок. Раскаленный песок обжег щеку, но она даже не шелохнулась. Лежать было бесконечно легче, чем делать еще один шаг.

Усталость была такой всепоглощающей, что вытеснила даже страх. Мысли текли вязко и медленно, словно раскаленное олово. Смерть... Раньше это слово вызывало леденящий ужас. Теперь оно казалось лишь тишиной. Отсутствием этой боли в ногах, этого жжения в горле, этого палящего солнца, впивающегося в спину. Просто... концом.

Она смотрела в ослепительную синеву неба, и ей уже ничего не хотелось. Ни воды. Ни спасения. Ни даже того, чтобы ее нашли. Единственным желанием было лежать. Не двигаться. Позволить пустыне сделать то, что она делает лучше всего — поглотить, стереть, превратить в пыль.

Она закрыла глаза, и сквозь веки пробивался красный свет. В ушах, помимо звона, теперь отчетливо слышалось ее собственное, хриплое и прерывистое дыхание. Оно звучало как песок, пересыпающийся в часах, отсчитывающих ее по-

следние минуты.

И это было... спокойно. Невыносимая борьба закончилась. Не было больше ни надежды, ни отчаяния. Только пустота и усталость, глубже любой пропасти.

Она не знала, сколько пролежала так — минуту, час, вечность. Время спрессовалось в плотный, раскаленный комок небытия. Сознание то уплывало в черный, беззвездный вакуум, то возвращалось, принося с собой лишь одно — тягучее, безразличное ожидание конца.

И вдруг — тень.

Она упала на ее веки, приглушив кроваво-красный свет, что пробивался сквозь них. Прохлада. Мираж, подумала она лениво, очередная насмешка пустыни. Но тень не исчезала. Она была плотной, реальной.

Потом чьи-то руки. Грубые, сильные. Они приподняли ее голову, и что-то холодное и твердое коснулось ее запекшихся губ. Инстинкт сработал быстрее мысли. Рот приоткрылся сам, и в него хлынула...

Вода.

Первые глотки она почти не чувствовала. Тело было слишком слабым, слишком отрешенным, чтобы воспринять это чудо. Затем, по мере того как живительная влага смачивала горло, смывая соленую горечь, в нем вспыхнула жадная, животная потребность. Она уже не пила — она жадно глотала, давясь, но не в силах остановиться, впиваясь слабыми пальцами в чью-то руку, державшую ее. Ей было все равно,

откуда она, кто ее дает. Это была жизнь, вливающаяся в нее обратно.

Когда питье прекратилось, она безвольно откинула голову. Силы открыть глаза все еще не было — веки казались свинцовыми. Но туман в голове начал понемногу рассеиваться, уступая место смутному, расплывчатому удивлению.

Потом ее подняли. Легко, как перышко. На мгновение она повисела в воздухе, а затем ее животом уложили на что-то... мягкое. И теплое. Не обжигающее, как песок, а живое, согревающее тепло. Она почувствовала под собой движение мощных мускулов, ритмичное, покачивающее.

Мысли, до этого вялые и оборванные, лениво поплыли в голове, пытаясь осмыслить происходящее.
Тень... Вода... Тепло... Движение...

И запах. Резкий, непривычный. Пахло кожей, потом, пылью и чем-то еще — диким, мускусным, животным. Это был не запах автоматов, не стерильный аромат Гаваарда. Это был запах жизни. Грубой, настоящей.

И тогда, сквозь слипающиеся веки, до нее наконец дошло. То, на чем она лежит... дышит. Это живое существо. Верховое животное.

Собрав остатки воли, Агес заставила тяжелые, как свинец, веки приподняться. Мир проплывал перед ней в размытом, колеблющемся мареве. Прямо под ней предстала шкура — светлая, почти белая, покрытая короткой густой шерстью. И на ней... загадочные, мерцающие в тени сложные узоры. Они

слабо светились нежным бирюзовым светом, словно звездная карта, нанесенная на живую плоть. Биолюминесценция, — лениво и отстраненно отметило ее сознание.

Ее собственные руки и ноги безвольно свисали по бокам огромного животного, покачиваясь в такт его неторопливой, уверенной походке. Она лежала вдоль его спины, как тук.

Рядом шагал человек. Высокий, поджарый, закутанный в одежды цвета пыли и песка. Грубая, жесткая ткань куртки, высокий воротник, скрывавший нижнюю часть лица до самых глаз. И широкополая шляпа, отбрасывающая глубокую тень на его черты. Он шел легко, почти бесшумно, и огромное животное, на котором ее везли, доходило ему лишь до пояса.

Внезапно ее снова накрыла тень — не от облака, их здесь не было, а от чего-то большого, словно позади кто-то раскрыл то, что древние люди называли зонтиком. Голова ее была слишком тяжелой, чтобы повернуть и посмотреть. Но в последний миг, перед тем как сознание снова потонуло в теплой, густой тьме, в голове пронеслась ясная, простая мысль, приносящая странное, хрупкое облегчение:

Не пират.

И тьма поглотила ее вновь.

Глава 5

Сознание возвращалось обманчиво медленно, будто сквозь толщу теплой, вязкой смолы. Сначала Агес ощутила сухую, пыльную жесткость под щекой и ровное, согревающее тепло где-то рядом. Оно было не таким, как палящий жар пустыни, — сосредоточенным, почти очаговым. И тишину... не оглушающую, мертвую пустыни, а живую, наполненную едва уловимым потрескиванием и тихим, ровным дыханием кого-то чужого.

Запах донесся следующим — дым, но не едкий, от плазмы или горячей изоляции, а горьковатый, смолистый, почти древесный. И еще — запах кожи, пота и песка. Тот самый, дикий и мускусный, что она запомнила перед тем, как погрузиться в беспмятство.

Она лежала на боку, подстеленная под нее грубая, похожая на брезент ткань не давала песку жечь тело. Сквозь прищуренные ресницы мир представал размытым: песок, темнеющее багровое небо с первыми робкими звездами и... источник тепла. Всего в паре метров от нее, на трех сложенных камнях, стояло устройство, знакомое ей лишь по архивным записям и редким визуальным образам из курсов по истории технологий. Несколько сложенных пластин матово-серого полимера образовывали подобие решетки, а в центре, бесшумно и ровно, плясало живое, теплое пламя. Оно было

странно статичным, его языки почти не колыхались, лишь пульсировали изнутри, отливая синевой у основания и алым на кончиках.

«Фазовый катализатор», — беззвучно шевельнулись губами Агес, и в пересохшем горле скрипнуло. Холодный синтез. Нано-катализ атмосферы. Даже в Гаваарде фазовый катализатор такого размера был дорогим. Очень дорогим. Чей он?

И тут ее взгляд, скользя от загадочной горелки, наткнулся на него.

Молодой человек. Сидел на корточках по другую сторону миниатюрного костра. Лет двадцати пяти, не больше. Крепкого телосложения, с широкими плечами, обтянутыми простой темной тканью рубахи с закатанными до локтей рукавами. Куртка, которую она помнила, лежала рядом с ним на песке. Кожа мужчины была смуглой, загорелой до темно-бронзового оттенка, и лишь тонкие белые полосы старых шрамов выделялись на предплечьях. Лицо с резкими, угловатыми чертами — твердый подбородок, высокие скулы. Волосы, темные, непонятного оттенка, коротко острижены, но непослушные пряди выбивались на лоб.

И глаза.

Они были опущены, он что-то разглядывал в своих руках, но когда он поднял их, чтобы бросить быстрый, оценивающий взгляд на пламя, Агес застыла, с трудом сдерживая вздох. Глаза цвета спелой сливы. Глубокие, ярко-фиолетовые, почти сияющие в отражении огня. Такой оттенок был

редкостью, наследственной чертой некоторых кланов кочевников, о которых она читала. Взгляд был спокойным, внимательным, лишенным немедленной угрозы, но в нем читалась такая первозданная, дикая сила, что по спине Агес пробежали мурашки.

Страх, притупленный истощением, вспыхнул с новой силой. Кто он? Спас ее, чтобы потом... что? Продать? Использовать как рабыню? Или просто оставить умирать, когда она станет обузой?

Инстинкт кричал: притворись спящей. Наблюдай. Слушай. Не показывай, что ты уязвима и в сознании. Она замерла, стараясь дышать ровно и глубоко, как спящий человек, но каждый нерв в ее теле был натянут, а сердце колотилось так громко, что ей казалось — он должен его слышать.

Парень не шевелился еще с минуту, его фиолетовый взгляд был прикован к пламени. Потом уголок его губ дрогнул в едва заметной усмешке. Он не повернул головы, но его губы шевельнулись, и он произнес несколько гортанных, твердых слов. Звуки были чужими, лишенными всякого смысла для Агес, будто скрежет камней под ногами верхового животного. Язык пустыни. Язык, на котором не говорили в сияющих залах Гаваарда.

Агес похолодела. Притворятся было бессмысленно. Он знал. Конечно, знал. Она чувствовала на себе его взгляд все это время, даже когда ее веки были сомкнуты. Ее жалкая попытка обмана была с самого начала обречена.

Он видел ее застывшие, полные страха глаза, ее полное непонимание. Он не стал повторять, лишь коротко, почти раздраженно фыркнул. Затем, не торопясь, поднялся и подошел к бесформенному темному рюкзаку из толстой кожи. Агес невольно вжалась в песок, готовая вскочить и бежать, но ее тело, слабое и разбитое, не слушалось.

Парень вернулся к костру, и в его руках были две вещи. Маленькая, спрессованная в плотный брикет плитка цвета хаки и плоская, гибкая фляга из матового серебристого материала. Он бросил их на ткань между ними, грубоватым толчком ноги пододвинул ближе к ней.

Она знала и то, и другое. Высококалорийный паек и «на-но-бутылка» — емкость с интегрированным молекулярным фильтром, способная конденсировать влагу из воздуха, медленно, но верно пополняя запасы. Технология, которую Гаваард считал примитивной, но в условиях Ордела она была бесценной.

Он положил паек и флягу на чистый участок ткани между ними и отодвинул их в ее сторону ногой. Простой, почти небрежный жест, лишенный церемоний.

Он снова что-то сказал на своем гортанном наречии, его голос звучал низко и хрипло. Слова были непонятны, но жест был красноречив: он указал на еду и воду, а затем пристально посмотрел на нее, его фиолетовые глаза сузились, словно он оценивал свое сомнительное приобретение. В его взгляде не было ни жалости, ни дружелюбия — лишь хо-

лодная, практичная оценка и, возможно, тень досады на эту неожиданную обузу.

И в этот момент справа донесся странный звук — негромкое, хриплое поскребывание, словно кто-то крупный переступал с лапы на лапу по сыпучему песку.

Агес медленно, преодолевая страх, повернула голову. И застыла.

Прямо рядом, в нескольких шагах от нее на песок легло существо. Его шерсть переливалась всеми оттенками заката над дюнами — от палево-золотого и медно-рыжего до глубокого фиолетово-сизого на спине. Короткий, невероятно густой мех наверняка на ощупь напоминал бархат. По бокам морды, вдоль позвоночника и на внутренней стороне больших ушей тянулись узоры, напоминающие серебристые звёздные карты. Ночью они излучали мягкое, переливающееся сияние. Все это позволяло существу идеально сливаться с песком. Но это сходство обманчивой маскировки разрушалось двумя деталями. Первое — огненно-рыжий, невероятно пушистый хвост, который был так велик, что полностью оборачивал тело животного. И второе — пара глаз, горящих в полумраке ровным, алым светом, как расплавленные угли.

Это была пустынная лисица. Но такая, каких Агес видела разве что на голографических схемах, иллюстрирующих местную фауну. И все схемы безнадежно умалчивали об их истинных размерах. Существо было огромным, его спина была бы ей по грудь, будь оно на ногах. Оно лежало, свернув-

шись, и его лисья морда, узкая и умная, покоилась на основании собственного хвоста. На лапах-снегоступах Агес разглядела сейсмо-чувствительные вибриссы, длинные и жесткие. А те самые красные глаза, лишённые зрачков, были неподвижно устремлены на нее. В них не читалось ни любопытства, ни злобы — лишь спокойное, древнее равнодушие хищника, наблюдающего за букашкой.

Внезапно лисица шевельнула хвостом и он раскрылся, словно веер во всю свою невероятную ширь, затмевая собой все вокруг. Он был развернут таким образом, что полностью скрывал тело животного, образуя идеальный защитный барьер, из-за которого выглядывала лишь голова.

Агес разглядела структуру: несколько длинных, упругих «ребер», покрытых густым огненно-рыжим мехом, расходившихся из единого основания у крупа. Между ними была натянута тончайшая, почти прозрачная перепончатая кожа, испещренная сложным узором из золотистых прожилок. В свете фазового катализатора эта перепонка отливала перламутром и казалась сотканной из самого заката.

Лисица зевнула, и в свете катализатора сверкнули клыки, длинные и слегка загнутые внутрь, чтобы надежно удерживать скользкую, покрытую жесткой шерстью добычу. На коренных зубах можно было различить специальные режущие кромки, способные разгрызть даже прочные хитиновые панцири местных насекомых.

Ледяной ужас сковал Агес. Ее пальцы впились в грубую

ткань под ней. Она замерла, боясь пошевелиться, боясь даже дыхания, способного спровоцировать это великолепное и ужасающее создание.

Незнакомец заметил ее панику. Он не повернулся к лисице, лишь слегка склонил голову, словно прислушиваясь. Потом он медленно поднял руку — пустую, раскрытую ладонью вверх — и сделал ею короткий, успокаивающий жест в ее сторону. Его взгляд, все так же фиолетовый и пронзительный, встретился с ее испуганным. Он не улыбнулся, не кивнул. Он просто показал ей свою пустую ладонь, а затем указательным пальцем медленно провел по воздуху от лисицы к ней и обратно, после чего слегка покачал головой: «Нет».

Оно тебя не тронет.

Жест был настолько ясным и уверенным, что паника в груди Агес отступила на шаг, уступая место ошеломленному изумлению. Она перевела взгляд с него на лисицу. Та по-прежнему сидела неподвижно, словно изваяние, лишь кончик ее носа чуть вздрагивал, улавливая запахи. Алый свет ее глаз казался почти гипнотическим на фоне сияющего веера.

Незнакомец что-то негромко и гортанно произнес, обращаясь к зверю.

В ответ раздался легкий, шелковистый шелех. Огромный хвост-веер плавно, без единого звука, сложился. «Ребра» мягко сошлись друг с другом, перепонка бесследно скрылась в густом меху, и через мгновение перед Агес была уже просто огромная лиса с невероятно пушистым, но теперь впло-

не обычным на вид хвостом, который она обвила вокруг своих лап. Она легким, почти невесомым движением уложила голову на его основание, прикрыла глаза, оставив лишь тонкие щелочки, из которых сочился тусклый красный свет, и замерла, демонстративно устранившись из диалога.

Агес сглотнула, чувствуя, как сухо и больно в горле. Она все еще боялась.

Он заметил, что она не ест, а лишь сидит, сжимая в пальцах брикет. Его тень снова упала на нее. Агес инстинктивно вжала голову в плечи, ожидая окрика или удара. Но вместо этого он просто ткнул пальцем в паек, потом — в ее рот. Жест был грубоватым, но лишенным угрозы, скорее... констатирующим. Как если бы он показывал дикому зверьку, где миска с водой. Ешь. Тебе это нужно.

Агес медленно, почти неверяще, потянулась к пайку. Пальцы дрожали, скользя по гладкой, вощенной упаковке. Она с трудом отломил маленький кусочек, следуя вбитым с детства правилам: есть медленно, бесшумно, крошечными порциями, не смотреть в глаза мужчине, пока он сам не обратится, не привлекать внимания. Она поднесла крохотный кусочек ко рту, стараясь жевать так, чтобы не было слышно. Вкус был нейтральным, чуть солоноватым, но для ее изголодавшегося тела он показался пиром богов. Однако она сдержала порыв жадно проглотить все сразу и отломил следующий, такой же небольшой кусочек.

Незнакомец наблюдал за ней, его фиолетовые глаза сузи-

лись. Вначале он одобрительно хмыкнул, когда она взяла еду — видимо, был рад, что его «обуза» не умрет с голоду прямо у него на глазах. Но по мере того как Агес продолжала свою тихую, чинную трапезу, его брови медленно поползли вверх, а на лбу залегла глубокая складка недоумения.

Она сидела, сгорбившись, стараясь казаться меньше, вжаться в песок, глаза опущены вниз, на свои дрожащие руки. Каждый ее жест был отточен годами жизни в обществе, где любая яркая эмоция или неосторожное движение считались дурным тоном для женщины. Скромность, покорность, тишина — вот удел женщины. Так она вела себя с отцом, с матерью, с прислугой. Так, как она полагала, следует вести себя с любым мужчиной, особенно с таким грозным и непредсказуемым. И лишь в своих покоях, в одиночестве, она могла быть собой.

Незнакомец резко, почти грубо, кашлянул. Агес вздрогнула и замерла с кусочком пайка на полпути ко рту, готовая в любой момент вжаться в землю, ожидая гнева. Он злился, и она тщетно пыталась понять, что она сделала не так.

Он что-то произнес. Его голос прозвучал не громче, но в нем явственно слышалось раздражение. Слова были непонятны, но интонация ясна: «Что ты делаешь?»

Он сделал широкий, размашистый жест рукой, явно показывая на весь паек, потом тыкнул пальцем в ее рот, а затем ударил себя открытой ладонью в грудь. Его посыл был кристально ясен: Ешь! Ешь много! Тебе нужны силы! Здесь не

до церемоний!

Агес смотрела на него с немым вопросом в глазах. Ее разум отказывался понимать. Ей с детства внушали, что аппетит у женщины должен быть птичьим, что приличная девушка никогда не показывает, что она голодна. А этот... этот дикарь требовал от нее нарушить все правила.

Он фыркнул, видя ее растерянность, и снова указал на пак, на этот раз более настойчиво. Нет, она ошиблась. В его фиолетовых глазах читалось не злость, а скорее странное, сбитое с толку нетерпение, будто он наблюдал за странным, нелогичным существом, чье поведение не поддавалось никакому здравому смыслу.

И тогда Агес, повинуясь инстинкту выживания и этому властному жесту, медленно отломила кусок побольше и отправила его в рот. Она жевала, все еще стараясь делать это бесшумно, но уже не так скрупулезно. Она чувствовала его взгляд на себе, тяжелый и оценивающий, и ей хотелось провалиться сквозь землю.

Он смотрел на ее сгорбленную спину, на опущенную голову, на крошечные, робкие движения, и его лицо выражало все нарастающее непонимание. Ему было непонятно это добровольное самоуничтожение, эта попытка стать невидимкой. В его мире, мире песка и выживания, каждый должен быть сильным, должен занимать свое место. А эта девушка, казалось, всеми силами старалась своего места не иметь вообще.

Агес отпила воды из нано-фляги. Желудок, сжавшийся в тугую, болезненный узел, начал понемногу расслабляться, принимая пищу. Физическое истощение отступало, уступая место новой, острой тревоге.

Она никогда не оставалась наедине с мужчиной. Никогда. Отец не в счет — он член семьи, его общество было естественным, как дыхание. Даже формальные встречи с преподавателями-мужчинами проходили только в виртуальных классах и проходили под строгим контролем протокола. А сейчас она находилась в обществе совершенно чужого мужчины. Одна, без сопровождающих и контролеров.

Что ему от нее нужно? В ее мире все было ясно: мужчины обладали властью, женщины — подчинялись. Ценность женщины заключалась в происхождении, приданом и покорности. Но здесь... она видела, как он смотрел на ее подобострастные манеры — с недоумением и раздражением. Правила Гаваарда были бесполезны, и Агес не имела ни малейшего понятия, каковы правила ордельцев.

Мысли метались, пытаюсь найти опору. Он спас ее. Подарил воду, еду, тепло. Значит, пока что она ему нужна живой. Но зачем? Рабыня? Носильщик? Или... что-то еще? Она вспомнила тяжелый, оценивающий взгляд пирата Гроха, его ухмылку. По спине пробежали мурашки. Может, он просто забрал добычу себе?

Она украдкой взглянула на него. Он сидел, опершись спиной о свой рюкзак, и настраивал компактный, но сложно-

го вида прибор. Призматический корпус из матового металла был усеян крошечными индикаторами, мерцавшими изумрудными точками в такт его движениям. Длинная антенна-хлыст тонко вибрировала в воздухе. Это был портативный радар, подобный тем, что использовали карведельские пограничники для отслеживания сигналов транспондеров. Его пальцы, шершавые и уверенные, с неожиданной точностью поворачивали миниатюрные регуляторы, а его взгляд был прикован к небольшому голографическому экрану, где проплывали слабые, прерывистые дуги — следы кораблей и глидеров, бороздивших небо за сотни километров.

Незнакомец на секунду отвлекся. Его фиолетовый взгляд скользнул по ее изодранному, испачканному траурному платью, по тонким, бледным рукам, по легким туфлям, нелепым в этом мире. И тогда он отложил прибор. Он что-то негромко пробормотал себе под нос, и в его тоне снова прозвучало то самое раздраженное недоумение. Затем он наклонился к своему рюкзаку, порылся в нем и вытащил свернутую в тугой валик пару штанов из грубой, темной ткани, ремень и просторную рубаху из такого же материала.

Не говоря ни слова, он бросил сверток ей под ноги. Ткань мягко шлепнулась о песок. Агес замерла, не понимая.

Он посмотрел на нее, потом демонстративно, почти утрированно, повернулся к ней спиной, уставившись в темноту пустыни, словно снова вслушиваясь в незримые сигналы эфира. Его широкие плечи блокировали свет костра, очер-

чивая мощный, неподвижный силуэт. Жест был настолько красноречивым, что не требовал перевода.

Переодевайся.

Сердце Агес бешено заколотилось. Это было одновременно и спасительно, и унижительно. Ее платье было абсолютно непригодно для пустыни. Это она и сама понимала. Но снять его... надеть его одежду... мужскую одежду?! Ох, даже ее прогрессивная мама вряд ли бы одобрила что-то подобное.

Она медленно, будто во сне, потянулась к свертку. Пальцы наткнулись на грубую ткань. Она ждала окрика, насмешки, взгляда через плечо. Но он не шевелился, оставаясь непроницаемым камнем, черным силуэтом на фоне багрового звездного неба.

Собрав всю свою волю, Агес, дрожа от холода и смущения, начала снимать свое рваное платье. Воздух пустыни коснулся ее кожи, заставив содрогнуться. Она торопилась, путаясь в лохмотьях, чувствуя себя невероятно уязвимой. Штаны были ей велики, пришлось несколько раз подворачивать грубые манжеты. Ремень тоже был велик, и она просто завязала его узлом на поясе. Рубаха пахла пылью, потом и чем-то дымным — его запахом. Он пропитал ткань, и этот запах был теперь на ней.

Когда она закончила, застегнув последнюю пуговицу на шее, она прошептала, сама не зная зачем:

— Готово.

Он обернулся. Его взгляд скользнул по ней, оценивающий

и быстрый. Увидел подобранные штаны, рубаху, болтающуюся на ее хрупком теле. На его лице не появилось ни улыбки, ни одобрения. Лишь короткий кивок, констатирующий факт: теперь она одета адекватно обстоятельствам.

Он снова сел у костра, взял в руки радар. Экран снова ожил, и в его фиолетовых глазах отразились мерцающие дуги сигналов. Агес оставалась стоять, не зная, что делать дальше. Сидеть рядом? Отойти подальше? Ее ноги вновь стали ватными, но теперь не от усталости, а от полной потери ориентации.

Он не смотрел на нее, уставившись в прибор, вслушиваясь в пульс далекой, чужой цивилизации, следы которой он ловил здесь, в безмолвии пустыни. Агес была одета, согрета и накормлена. Но она по-прежнему не знала, что ждет ее на рассвете, когда этот молчаливый следопыт эфира решит тронуться в путь. И возьмет ли он ее с собой. И если возьмет, то зачем.

Внезапно раздался короткий, визгливый писк. Незнакомец нахмурился, не отрывая взгляда от голографического экрана радара. Спустя несколько секунд — еще один, на этот раз более протяжный и тревожный. На экране хаотично заморгали красные маркеры, дуги сигналов поплыли и рассыпались в цифровой шум.

Он тяжело вздохнул, отложил прибор в сторону и, резким движением закатав рукав своей темной рубахи, обнажил запястье. На смуглой коже чуть ниже ладони виднел-

ся небольшой шрам — место вживления интерфейсного чипа. Он прикоснулся к нему пальцем другой руки, и в воздухе перед ним вспыхнул полупрозрачный сенсорный экран его персонального компьютера. Голубоватые иконки и строки кода затанцевали в пустом пространстве.

Агес, затаив дыхание, наблюдала, сидя на своем месте. Она старалась казаться незаметной, но любопытство пересиливало. Она видела, как он пытается вручную ввести корректирующие команды, перезапустить драйверы, но на экране радара вместо четких сигналов продолжал бушевать хаос. Он бормотал что-то сквозь зубы на своем гортанном языке, и по его напряженной спине было видно нарастающее раздражение. Наконец, он с силой провел рукой по лицу и громко, с отчаянием, выругался. Слов она не поняла, но интонация была универсальной — это было то самое «ну почему ничего не работает?!».

И вот тогда ее взгляд, против ее воли, снова упал на строки кода на его голографическом экране. Это был устаревший, но все еще распространенный протокол инициализации периферийных устройств, который она разбирала на одном из своих нелегальных курсов. И видела она его не в теории, а на практике, когда сама пыталась заставить работать подобный радар в виртуальном симуляторе.

Она видела, где он ошибся. Видела пропущенный символ в строке инициализации, из-за которого драйвер пытался обратиться к несуществующему адресу в памяти, вызывая кас-

кадный сбой. Это была мелочь, глупая, досадная опечатка, но она полностью парализовала работу прибора.

Сердце Агес заколотилось уже от профессионального зуда. Ее пальцы непроизвольно пошевелились, будто набирая команды на невидимой клавиатуре. Она видела решение. Оно было таким простым, таким очевидным для нее.

Он снова тяжело вздохнул и потянулся, чтобы выключить экран, смирившись с неудачей.

И она не выдержала.

— Подождите, — ее голос прозвучал тихо и хрипло от долгого молчания. — Сто тридцать седьмая строка. Пропущен апостроф после дескриптора «Sigma».

Она произнесла это по-гаваардски, не надеясь, что он поймет. Но ее палец дрожащей рукой сам указал на ту самую злополучную строку кода на его голографическом экране.

Фиолетовые глаза встретились с ее взглядом, а потом он посмотрел на строку, на которую указывал ее палец. Губы беззвучно шевелились, проверяя код, а затем их тронула чуть заметная усмешка — не добрая и не злая, скорее уважительная. Он кивнул, коротко и деловито, и повернулся к экрану. Его пальцы, еще секунду назад грубо тыкавшие в сенсоры, теперь выполнили точное, быстрое движение. Он нашел строку, вставил недостающий символ.

На экране радара красные индикаторы погасли. Хаотичный шум на экране исчез, сменившись ровным, стабильным свечением. Четкие, уверенные дуги сигналов снова поплыли

по дисплею, отмечая невидимое движение в небе.

Он обернулся к ней полностью. Его взгляд был теперь пристальным, оценивающим, но без тени прежнего раздражения или снисхождения. Мужчина пробормотал что-то короткое и гортанное. Слов она не поняла, но интонация была ясной — что-то вроде «Спасибо»

И это окончательно сбило Агес с толку.

Она сидела, уставившись на него, позабыв, что так открыто смотреть на мужчину недопустимо, и чувствовала, как в ее сознании рушатся многовековые устои. В ее мире — и в Гаваарде, и уж тем более в Карведеле — ее поведение было бы немыслимым. Девушка, указывающая мужчине на его ошибку? Влезающая в технические вопросы? Ее бы мгновенно осадили. В Гаваарде — холодным, вежливым презрением, напомнив о ее месте и дурном тоне. В Карведеле — грубым окриком. Ее мнение, ее знания не имели бы никакого веса просто потому, что они исходили от женщины.

Здесь же... здесь все было иначе. Этот странный, молчаливый человек с фиолетовыми глазами не бросил на нее ни одного раздраженного взгляда. Не упрекнул в наглости. Он... он ее *послушался*. Он проверил ее слова, исправил ошибку и выразил признательность. Словно она была его равным. Словно ее пол не имел никакого значения. Словно перед ним был не сосуд для будущего замужества и не обуза, а просто еще один человек, который оказался полезен в конкретный момент.

Это было так непривычно, так ошеломляюще, что ее страх на мгновение отступил, уступив место жгучему, почти болезненному любопытству. Кто он? И что это за мир, в котором он вырос, где ум ценится сам по себе, а не как приложение к полу?

Он снова повернулся к ней, и в его взгляде она не увидела ни снисхождения, ни удивления. Лишь ту же практичную оценку, что была и раньше, но теперь — с легким оттенком уважения.

Он что-то спросил, на своем ломаном языке и жестом показал на радар, а потом на ее голову. Вопрос был предельно простым: ты умеешь с этим работать?

Агес, все еще не в силах говорить, кивнула. Сначала робко, а потом увереннее. Да, она могла. Она могла разбирать схемы, видеть ошибки, чинить то, что другие считали сломанным навсегда. Это была ее единственная настоящая сила, которую она всегда была вынуждена прятать. А здесь, в этой пустыне, ее не заставляли прятаться.

Он что-то коротко бросил в сторону пустынной лисицы, та в ответ лениво вильнула своим огненным хвостом. Потом он потушил фазовый катализатор, и пламя исчезло, оставив лишь тепловое излучение от остывающих пластин.

— Спи, — сказал он жестом, уже сворачивая свое снаряжение.

И в этом не было приказа. Агес послушно устроилась на грубой ткани, подтянув колени к подбородку. Грубая ткань

его рубахи непривычно натирала кожу, а в горле снова стоял ком — на этот раз от тоски. Она смотрела, как он, ее спаситель, тушит катализатор, сворачивает вещи и, без лишних раздумий, устраивается на ночлег в нескольких шагах от нее. Все его движения были такими... естественными. Такими правильными для этого места. И такими чужими.

Хочу домой, — безнадежно и по-детски просто подумала она, чувствуя, как предательски щиплет глаза. К маме. В свою комнату, где пахнет озоном и цветами, где мурлыкает Облачко, где можно утонуть в безопасной тишине голограмм. Вот только, что ждет ее дома?

Она украдкой смотрела на его расслабленную спину, и вдруг, сквозь пелену страха и тоски, прорвалась другая мысль, острая и неожиданная.

А все ли ордельцы такие?

Он же не удивился. Не возмутился. Он просто принял ее подсказку, как нечто само собой разумеющееся. Как будто для него в том, что женщина может разбираться в коде, не было ничего странного. И если он, дикарь из пустыни, смотрит на нее так... значит ли это, что ордельские женщины могут то же самое? Что они не заперты в комнатах, не обучены лишь покорности и вышиванию? Что здесь, в этой суровой пустыне, у них может быть... своя воля? Свой ум, который не нужно прятать?

Сердце Агес учащенно забилося, но уже не только от страха. В нем затеплилась крошечная, дрожащая надежда. Она

все еще боялась. Все еще видела перед собой холодные глаза Идага и знала — он хочет ее смерти. Возвращение в Карведель или Гаваард было равносильно приговору. Но здесь... здесь, глядя на этого молчаливого человека, она впервые за долгое время почувствовала себя не беспомощной вещью, а... умной. И это чувство было пьянящим. Оно было страшным, потому что было новым, но и сладким, потому что было настоящим.

Ее пальцы сами потянулись к тонкому, едва заметному шраму на собственном запястье — месту вживления ее чипа. Женского чипа. Он был ограничен, урезан, как и все в ее жизни. Передавал только показатели жизнедеятельности. Никакого отслеживания местоположения, потому что женщина из высшего общества Гаваарда или Карведеля никогда не оставалась одна без сопровождения. Разве что вдова. Мама будет знать, что она жива. Пока этого достаточно. Потом она найдет способ передать ей весточку. Умрет ли мать от беспокойства? Но сейчас... сейчас нужно было выжить.

И ради этого выживания, ради возможности снова почувствовать этот странный, головокружительный вкус признания, ради шанса заниматься тем, что она любила, не таясь... она была готова на все.

Она сделает все. Все, что потребуется, чтобы эти странные, молчаливые люди пустыни разрешили ей остаться. Она будет учиться, работать, станет полезной. Она заслужит свое место здесь, в этом чужом, но, возможно, более честном ми-

ре, где на нее смотрели не как на женщину, а как на человека, который может починить сломанную вещь.

Сжав кулаки, Агес закрыла глаза, пытаясь заглушить тоску по дому жгучим желанием доказать свою ценность. Она боялась завтрашнего дня, но впервые этот страх был смешан не с отчаянием, а с надеждой, что тайная, невозможная мечта может однажды сбыться.

Глава 6

Они шли по пустыне четыре дня. Время утратило привычные гаваардские границы, распавшись на простые, неумолимые циклы: ослепительный, палящий день и черную, звездную ночь, холодную до костей.

Агес научилась двигаться в ритме этого мира. Ее тело, сначала разбитое и ноющее, постепенно привыкало к долгим переходам. Она уже не просто сидела на спине у лисицы — она научилась чувствовать ее движение, предугадывать мягкое покачивание мощных мышц под собой. Днем лисица — орделец называл ее Зори — распускала свой веер, и под его сенью возникал оазис из тени и прохлады. Агес, прижавшись к теплой, пушистой спине лисы, чувствовала себя почти защищенной от безжалостного солнца.

Она узнала его имя на второй день. Он не представился — просто, когда она, запинаясь и показывая жестами на него, попыталась спросить, он коротко бросил: «Нами».

Днем они почти не разговаривали, двигаясь через бескрайнее море песка. Он шел рядом с Зори, его поступь была легкой и бесшумной, несмотря на грубые сапоги. А фиолетовые глаза постоянно сканировали горизонт, читая узоры на песке, как она когда-то читала голографические схемы. Агес молча следовала за ним, прислушиваясь к собственному дыханию и к скрипу песка под грубыми подошвами его

штанов, которые она теперь носила.

Да и как разговаривать, когда его гортанная речь была для нее шифром, а ее гаваардский — бесполезным набором звуков. Но постепенно рождался свой, примитивный язык жестов и отдельных понятных им обоим слов. «Вода» — он показывал на флягу. «Есть» — постукивал по пайку. «Остановка» — поднимал руку ладонью вперед.

Но с наступлением темноты, когда Нами разжигал фазовый катализатор и мир сжимался до островка теплого света в океане холода, наступало все менялось. Агес снова становилась ученицей, а ее наставником выступал суровый ордедец.

Нами не был терпеливым учителем в гаваардском понимании этого слова. Он не читал лекций и не давал пространственных объяснений. Его метод был прост и прямолинеен. Он брал в руки предмет — свой радар, нано-флягу, разобранный импульсный блок питания — и, глядя на Агес, четко и коротко произносил его название на своем гортанном языке. Потом ждал, пока она не повторит, коверкая непривычные звуки. Если она ошибалась, он хмурился и повторял снова, без раздражения, но и без поощрения. Если получалось — кивал, и его фиолетовый взгляд на мгновение терял свою суровость.

Затем он показывал, как подключить источник питания, как считать показания радара, игнорируя помехи, как разобрать и почистить сопла фляги-конденсатора. Его большие, шершавые пальцы, казалось, были созданы для грубой силы,

но они двигались с ювелирной точностью.

Агес ловила каждое движение, каждое слово. Ее собственные пальцы, сначала неуверенные и дрожащие, постепенно набирались сноровки. Инженерная логика помогала ей понимать, почему тот или иной предмет работает именно так, а не иначе. И Нами, кажется, начал это замечать. В его взгляде, когда она с первого раза правильно собрала разобранный им сейсмо-датчик, мелькнуло нечто большее, чем просто удовлетворение. Нечто вроде уважения.

И были моменты, когда суровая маска спадала полностью. Это случалось вечерами, когда Зори, накормленная и довольная, устраивалась у потухшего катализатора и начинала свою странную игру. Она подолгу могла гоняться за собственным хвостом, вращаясь на месте, пока не падала на песок, оглушенная собственным же вертолетом. Или внезапно начинала рыть яму без видимой цели, с азартом разбрасывая песок во все стороны, пока не оказывалась в аккуратной яме, с блаженным видом засыпая прямо в ней.

В один такой вечер, наблюдая, как Зори с комичной серьезностью пытается поймать отражение звезды в полированной поверхности фляги, Агес не смогла сдержать смех. Это был тихий, сдавленный звук, больше похожий на всхлип, но в тишине пустыни он прозвучал невероятно громко.

Нами, чинивший ремень своей сумки, поднял голову. Его взгляд скользнул с нее на Зори, которая, удивленная собственным отражением, села на задние лапы и наклонила го-

лову набок, издавая короткие, вопросительные повизгивания. И тогда с Нами произошло нечто удивительное.

Уголки его губ дрогнули, а затем он рассмеялся. Это был не гаваардский, вежливый и беззвучный смех, а низкий, грудной, искренний.

Агес замерла, глядя на него. Резкие черты его лица вдруг сгладились, сделав его моложе и... человечнее. Впервые за все дни она увидела в нем просто молодого человека.

Их взгляды встретились над забавной фигуркой Зори, и в этот миг между ними что-то изменилось. Исчезла невидимая стена настороженности. Они сидели и смеялись вместе, два чужих человека из несовместимых миров, объединенные абсурдным зрелищем игры пустынной лисицы.

Но во всем их путешествии было лишь одно неудобство — охота Зори. Уловив большими ушами и вибриссами на ногах дичь под песком, лиса напрочь забывала про девушку на своей спине. Ее тело, до этого плавно покачивающееся, вдруг замирало, напряженное, готовое к броску. Уши настораживались, поворачиваясь как локаторы, а вибриссы на широких лапах-снегоступах трепетали, улавливая малейшее движение в толще песка.

Агес научилась чувствовать этот момент — легкую дрожь, пробегающую по спине Зори, едва заметное изменение ритма дыхания. Но даже это предупреждение не всегда спасало. Дважды за эти дни, застигнутая врасплох, она летела в песок, когда Зори резко прыгала в сторону или вгрызалась

мордой в дюну.

Первый раз это вышло почти комично. Агес, убаюканная монотонным шагом, дремала, уютно устроившись в густом меху. Внезапно мир перевернулся. Ее швырнуло вперед, и она кубарем скатилась по рыжему склону, зарывшись лицом в теплый, как свежий хлеб, песок. От неожиданности она не испугалась, лишь отряхиваясь, с изумлением наблюдала, как Зори, не обращая на нее ни малейшего внимания, яростно роет передними лапами, а затем вытаскивает из песка крупное, покрытое блестящим хитином насекомое, с громким хрустом разламывая его мощными челюстями.

Нами, шедший чуть впереди, лишь бросил на нее короткий взгляд, убедился, что цела, и фыркнул — то ли одобрительно, то ли с насмешкой. Слов не последовало, лишь жест, велевший ей подниматься и возвращаться на свое место. Стыд и досада вспыхнули на ее щеках, но смех, который она вдруг поймала в его фиолетовом взгляде, был таким быстрым и беззлобным, что обида мгновенно улетучилась.

Второй раз был серьезнее. Они пересекали плато, усеянное крупными камнями, когда Зори замерла, учуяв что-то под массивной плитой. Агес успела ухватиться за густую шерсть на ее загривке, но мощный рывок был слишком силен. Ее сорвало и отбросило на острый край камня. Бок вспыхнул горячей болью.

На этот раз Нами подошел сразу. Его лицо было серьезным. Он грубо отодвинул ее руку, осмотрел ушиб, затем до-

стал из своей бесконечной суммы маленькую баночку с густой, пахнущей мазью. Его пальцы, шершавые и точные, нанесли средство на кожу. Боль тут же отступила, сменившись приятным прохладным онемением.

— Следи, — коротко бросил он на своем языке, ткнув пальцем в сторону Зори, а затем постучал себя по виску. Смысл был ясен: будь внимательнее, думай головой.

С тех пор Агес научилась быть настороже.

На четвертый день их путь пролегал через поле гигантских, причудливо изъеденных ветром каменных арок. Ветер, гуляющий сквозь отверстия, пел свою заунывную песню. Зори шла медленнее, ее могучие лапы осторожно ступали по каменистой почве. Агес, укачанная ритмом, почти дремала, когда Нами внезапно замер, подняв руку.

Он не сказал ни слова, но все его тело выражало напряженное внимание. Его взгляд был прикован к одной из арок впереди. Агес присмотрелась и увидела: на камне, почти сливаясь с рыжим песчаником, сидели три существа, похожие на помесь скорпиона и ящерицы. Их хитиновые панцири отливали металлическим блеском, а жала на кончиках хвостов медленно покачивались, словно сканируя воздух.

Сердце Агес замерло. Она читала о песчаных скорпах. Их яд был не смертельным для крупных существ, но вызывал мучительный паралич. Для нее, хрупкой гаваардки, встреча с ними могла оказаться фатальной.

Нами медленно, плавно снял с плеча свое оружие, но он

не стал целиться. Вместо этого он поднял с земли камень и метким, резким броском швырнул его в сторону от тропы, в противоположный от скорпов конец арки.

Камень с грохотом ударился о скалу. Скорпы встрепнулись, их жала замерли на мгновение, а затем все трое стремительно ринулись на звук, исчезнув в тени скал.

Нами выждал паузу, его уши, казалось, ловили малейший шорох. Потом он просто кивнул Зори, и они снова двинулись в путь, как ни в чем не бывало.

Агес сидела, не в силах вымолвить ни слова. Вечером, разбивая лагерь у подножия очередной дюны, она набралась смелости и жестом, показывая на арки, а потом изображая скорпа, спросила его: «Почему?»

Он понял. Пожал плечами, его смуглое лицо в свете разгорающегося катализатора было спокойным.

«Пустая трата резервов. И шум», — произнес он на своем языке, и Агес уловила смысл. В его мире все подчинялось закону целесообразности. Зачем убивать, если можно обойти? Зачем тратить ресурс и привлекать внимание?

Он посмотрел на нее, и в его фиолетовых глазах она снова увидела не снисхождение, а нечто иное — словно он оценивал ее способность усвоить этот простой, суровый урок.

Агес отвернулась, глядя на зажигающиеся одна за другой звезды. Она думала о Гаваарде, где любая проблема решалась сложными протоколами, энергетическими щитами и вызовом службы безопасности. Здесь все было иначе. Опас-

ность была частью пейзажа, и бороться с ней нужно было не только силой, но и умом.

Она все еще боялась. Боялась скорпов, жажды, неизвестности. Но теперь к страху примешивалось понимание правил этой игры. И тихая, пока еще робкая уверенность, что, возможно, она сможет их выучить.

Она была чужая. Она была слабая. Но она была жива. И за четыре дня это перестало казаться просто чудом. Это начало походило на результат. Результат ее собственного, пусть и крошечного, упорства и той странной, молчаливой логики выживания, что управляла ее спасителем.

Пятый день пути начался так же, как и предыдущие — с первых лучей медного солнца, разливавшихся по бескрайнему морю песка. Но к полудню пейзаж начал меняться. Ровные волны дюн сменились хаотическими нагромождениями темно-рыжих скал, испещренных ветром и временем. Воздух звенел от зноя, искажая очертания каменных исполинов, превращая их в подобие развалин древнего, забытого богами города.

Зори шла медленнее, ее мощные лапы с осторожностью ступали по каменистой осыпи. Нами, шедший впереди, казалось, был сосредоточен еще больше обычного. Его фиолетовые глаза, скрытые в тени широких полей шляпы, непрестанно сканировали скалы, выискивая невидимые Агес ориентиры. Она понимала лишь одно — они куда-то целенаправленно движутся.

Наконец, они достигли подножия особенно внушительного скального массива, напоминавшего спину гигантского спящего зверя. Нами подвел Зори к естественному гроту, образованному нависающими плитами, и жестом велел Агес слезать. Пальцы его были кратки и точны: «Стой. Жди».

Он снял с плеча свою кожаную сумку с инструментами и радаром и, к ее удивлению, оставил ее на земле рядом с ней. Затем он вытащил из кармана сложенный в несколько раз лист прочной, вощенной ткани — их импровизированную палатку — и бросил его сверху. Последним, что он сделал, был твердый, фиксирующий взгляд на Зори. Лиса, уловив его безмолвный приказ, лениво вильнула хвостом, обошла Агес кругом и улеглась у входа в грот, перекрывая его собой. Ее алые глаза, прищуренные от солнца, были неподвижно устремлены на горизонт, а уши чуть подрагивали, улавливая каждый звук.

Нами еще раз посмотрел на Агес. Его взгляд был тяжелым и не допускающим возражений. Он не произнес ни слова, лишь повторил жест: ладонь, обращенная к ней, как бы удерживающая ее на месте, а затем указал на себя и вглубь скал. «Я вернусь».

Агес покорно кивнула, сжимая в руках край его рубахи. Она ничего не понимала, но уже доверяла ордельцу, ставшему за эти дни для нее почти родным. Да и был ли у нее выбор?

Он развернулся и зашагал прочь, его темный силуэт быст-

ро растворился в мареве и хаосе каменных глыб. Звонящая тишина обрушилась на Агес, нарушаемая лишь ровным дыханием Зори и отдаленным завыванием ветра в скальных расщелинах.

Первые минуты она просто сидела на камне в тени грота, чувствуя, как прохлада камня просачивается сквозь грубую ткань штанов. Потом принялась расстилать ткань, организуя себе подобие лагеря — ритуал, дававший иллюзию контроля. Но мысли, до этого приглушенные усталостью и дорогой, начали накатывать с новой, пугающей силой.

Куда он ушел? Зачем? Почему меня не взял?

Она смотрела на сумку, оставленную им. В ней были его вещи, его инструменты, его радар. Разве он бросил бы это, если бы не собирался вернуться? Логика подсказывала, что нет. Но страх шептал другое. А что, если это ловушка? Что, если он просто избавился от обузы, оставив ее здесь умирать с парой бесполезных для нее вещей? Ведь он ничего о ней не знал. Не знал, кто она, откуда, какие опасности преследуют ее. Может, он просто устал тащить за собой хрупкую гавардку, не способную ни нормально ходить, ни охотиться?

Она обняла себя за плечи, чувствуя, как дрожь пробивается внутрь, несмотря на палящий зной. Глаза невольно заскользили по скалам, выискивая в их очертаниях угрозу. Каждая тень казалась притаившимся скорпом, каждый шорох песка — шагом приближающихся пиратов или, что было еще страшнее, людей Идага.

«Он вернется, — пыталась убедить себя Агес, глядя на невозмутимую спину Зори. — Он спас меня тогда. Дал воду, еду, одежду. Он не бросит».

Три часа его отсутствия растянулись в вечность. Солнце медленно ползло по небосводу, тени от скал удлинялись, окрашиваясь в лиловые тона. Агес сидела, прижавшись спиной к теплому камню, и слушала, как ее сердце отстукивает тяжелые, тревожные удары. Она представляла себе, что Нами встретил своих — таких же суровых и молчаливых ордельцев. И рассказал им о ней. И они решали ее судьбу. Возможно, прямо сейчас за этими скалами идет совет, на котором решают, что делать с незваной гостьей. Выгнать? Продать? Или просто прикончить, как ненужное животное?

Зори внезапно подняла голову, ее уши насторожились, повернувшись в сторону, куда ушел Нами. Агес замерла, впиваясь в пустоту между скал. Сердце заколотилось где-то в горле. Послышались шаги — легкие, уверенные, знакомые. Из-за угла скалы вышел Нами. Он был не один.

Рядом с ним, почти вприпрыжку, шла девушка. Лет восемнадцати, не больше. Её стройная, гибкая фигура была облачена в практичные штаны и короткую куртку из мягко выделанной кожи, расшитую по подолу и манжетам сложным геометрическим орнаментом из бисера и тонких металлических нитей. Смуглое, с золотистым отливом лицо с большими, миндалевидными глазами цвета тёмного мёда было оживлено яркой, любопытной улыбкой. Тёмные, выющиеся

волосы, собранные в сложном узле из множества мелких косичек, были перехвачены широким кожаным обручем. В её движениях была стремительная, почти кошачья грация, а во всём облике — дикая, неукротимая энергия, так контрастировавшая со сдержанной мощью Нами.

Именно на Агес были прикованы эти пытливые глаза цвета меди. Девушка с открытым любопытством, граничащим с изумлением, разглядывала её с ног до головы, будто видела нечто совершенно невероятное. Её взгляд скользнул по бледному, несмотря на загар, лицу Агес, по её светлым, спутанным прядям, выбившимся из-под грубого капюшона рубахи Нами, по её тонким, беспомощно сложенным рукам.

Нами тем временем подошёл к Зори, потрепал её за ухом и что-то негромко бросил на своём языке. Лиса блаженно прикрыла глаза.

А орделка, не отрывая взгляда от Агес, резко повернулась к Нами и затараторила. Слова лились из неё быстрым, звонким потоком, полным возмущения и едва ли не обиды. Агес, конечно, не понимала ни слова, но интонация и энергичные жесты были красноречивы: «И где ты её нашёл? На неё же смотреть страшно! Она что, с Небес упала?»

Нами, разгружая свою сумку, даже не взглянул на подругу. Он лишь тяжело, почти театрально, вздохнул и закатил глаза к небу, словно взывая к своим суровым пустынным богам о терпении.

Девушка фыркнула, раздражённо махнула на него рукой,

словно отмахиваясь от назойливой мухи, и сделала пару шагов к Агес. Она присела на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне. Казалось, она вот-вот ткнет в Агес пальцем, чтобы проверить, настоящая ли она.

Потом она вдруг улыбнулась. Улыбка была ослепительной, совсем не злой, а полной какого-то безудержного, детского восторга перед диковинкой. Она тряхнула головой, заставив поблёскивать бисер в волосах, и выпалила на ломаном, но вполне понятном общем языке, том самом, на котором говорили торговцы и изредка — дипломаты:

— И правда, живая гаваардка! Ну и как тебя зовут, чудо лохматое?

Агес застыла, не в силах вымолвить ни слова. Она чувствовала себя экспонатом в музее, растерянным зверьком, на которого указали пальцем. «Чудо лохматое»? Она смущённо потрогала свои спутанные волосы. По сравнению с идеальными, бисерными косичками орделки она и впрямь, наверное, выглядела как облезлый котёнок.

— Агес, — прошептала она наконец, голос её прозвучал хрипло и тихо. — Меня зовут Агес.

Девушка скривила нос, явно пытаясь воспроизвести непривычное для слуха имя.

— Аг-ес? — переспросила она, растягивая звуки. — Странно. Но сойдёт. А я — Киара. — Она гордо ткнула себя пальцем в грудь. Потом её взгляд снова стал оценивающим. — Нами говорит, ты с техно-корабля. Что разбился. Правда?

Агес лишь кивнула, не в силах пока произнести больше. Всё происходящее казалось сном. Эта стремительная, говорящая девушка, её открытое любопытство, её полное отсутствие гаваардской церемонии или карведельского презрения — всё это было так ново и оглушительно.

— Ты только посмотри на него, — Киара ткнула большим пальцем в сторону Нами, который, не обращая ни малейшего внимания на её спектакль, методично проверял крепления на своей сумке. — Каждый раз, как уходит в пустыню, обязательно кого-нибудь притащит. Обязательно! То этого лохматого придурка, — она указала на Зори, которая, услышав знакомый тон, лишь лениво приоткрыла один глаз, и снова его прикрыла, — которого чуть не пристрелили браконьеры. Нами его выходил, выкормил, а он теперь везде хвостом за ним волочится. Назвал её Зори, «Рассвет». Сентиментальный, понимаешь ли!

Она фыркнула, но в её голосе сквозь показное раздражение пробивалась странная нежность.

— А потом, — Киара продолжала, разгорячившись, — находит борнзея. Детёныша, совсем ещё. Говорит, мать погибла. И что ты думаешь? Этот борнзель умудрился обрушить нам половину рынка! Перевернул палатки, напугал всех торговцев до полусмерти. А Нами стоит и смотрит, будто так и надо. «Он просто играл», — говорит!

Киара снова схватила Агес за руку, на этот раз скорее для эмоциональной поддержки.

— А теперь вот ты. Гаваардка. Живая! — Она произнесла это с таким изумлением, будто Нами притащил с собой ожившую статую из ледяного кристалла. — Где он тебя только откопал? И главное — зачем? Ну ладно Зори, или тот разрушительный ушастик... Но живая гаваардка в пустыне! Это же... это же...

Она замолчала, не в силах подобрать слова, и просто развела руками, выражая всю глубину абсурдности ситуации.

Нами, закончив со своей сумкой, наконец поднял голову. Его фиолетовый взгляд скользнул с возмущённого лица Киары на смущённое лицо Агес.

— Всё? — коротко спросил он на своём языке, и в его голосе прозвучала плохо скрываемая усталость.

— Нет, не всё! — парировала Киара, снова переходя на ордельский. — Я ещё не спросила, где ты её нашёл и что мы будем с ней делать!

— Нашёл. В пустыне, — так же коротко ответил Нами, подходя к Зори и проверяя, не стёрта ли у неё шерсть под поклажей. — Делать? Научим не умирать.

Киара застыла с открытым ртом, словно он только что объявил, что солнце теперь будет вставать на западе.

— А отцу ты что скажешь? А Совету? А если она вообще жить в Орделе не согласна? Ты об этом подумал?

Киара снова повернулась к Агес, с недоумением следящей за их диалогом. А потом вздохнула.

— Слушай, тут такое дело. Нами, как всегда, действует

по своему закону: увидел — спас. Но здесь так не работает. Ты — чужая. А мы чужаков к себе впускаем только с одним условием — они остаются. Навсегда. Если примешь наши законы и нашу жизнь, то пути назад уже не будет.

Она пристально смотрела на Агес, и теперь в её взгляде не было ни насмешки, ни любопытства — лишь суровая, взрослая серьезность.

— Мы можем проводить тебя. Через пустыню. До границ Гаваарда. Дальше — твои проблемы. Это — один путь. Или... — Киара сделала паузу, давая словам просочиться в сознание. — Или ты остаёшься. Выбирай. Сейчас.

Повисла тишина. Даже Зори, казалось, затаила дыхание. Нами стоял неподвижно, но Агес почувствовала на себе его взгляд — тяжёлый, ожидающий.

Горло её сжалось. Она смотрела на них — на молчаливого, сурового парня, который спас её, не прося ничего взамен, и на эту огненную, пряную девушку, которая говорила с ней как с равной, не презирая, не унижая. Она думала о Гаваарде — о стерильном воздухе, о холодной красоте, о матери, запертой в своей тоске. О том, что ждёт её там? Позор? Заточение в четырёх стенах под присмотром Идага? Брак по расчёту и медленная смерть души?

А потом она посмотрела на Киару. На то, как та стояла — свободно, уверенно. Как она спорила с Нами — на равных, без страха и подобострастия. Как её глаза горели живым огнём, а не гаваардским ледяным блеском.

И она вспомнила то чувство, что испытала, когда Нами принял её поправку к коду. Чувство, что её ум что-то значит. Что она — не вещь, не сосуд для приданого, а человек, чьи знания имеют ценность.

Здесь, в этой суровой пустыне, она впервые за долгие годы почувствовала, что дышит полной грудью. Что её будущее, каким бы страшным оно ни было, — это её выбор. Её ответственность. А не приговор, вынесенный кем-то другим.

Она подняла голову. Голос её, сначала тихий, набрал силу, отливаясь металлом решимости.

— Я остаюсь.

Глава 7

Резкий, но приглушенный сигнал разорвал объятия безмятежного сна. Агес безуспешно попыталась зарыться лицом в подушку, но настойчивый импульс, исходивший прямо из ее виска, где был вживлен чип, не унимался.

— Проснись, Агес. Седьмой час. У тебя запланирована утренняя сессия с лингвистическим модулем через сорок минут, — прозвучал в сознании ровный, бесстрастный голос ИИ-помощника. В Орделе его называли «Хранитель».

— Знаю, знаю... Выключи будильник и отключись на полчаса, — мысленно, сквозь дрему, приказала она.

— Команда не может быть выполнена, — без тени сожаления парировал Хранитель. — Анализ ваших биометрических показателей указывает, что при отключении сигнала вы немедленно вернетесь в состояние глубокого сна с вероятностью 96,7%. Мой долг — обеспечить ваше пробуждение и соблюдение расписания. К тому же, вам необходимо поесть. И вы попросили напомнить о том, что утром собирались передать вещи в стирку.

Агес с стоном перевернулась на спину, все еще не открывая глаз.

— У тебя совсем нет совести, — пробормотала она, уже вслух.

— У меня нет ни совести, ни эмоциональной составля-

ющей, — последовал бесстрастный, логичный ответ. — У меня есть протоколы и алгоритмы, оптимизированные для вашей безопасности и продуктивности. В данном случае протокол предписывает мне быть настойчивым. Проснитесь, Агес. Вам необходимо начать день.

Нехотя открывая глаза, Агес с долей раздражения подумала, что в какой-то момент программисты Ордела были излишне усердны, наделяя своего цифрового помощника такой неумолимой принципиальностью.

— Знаю, знаю... — мысленно проворчала она. Комната тонула в мягких сумерках, имитируемых умными светильниками, которые постепенно наращивали яркость, имитируя рассвет. — Выключи будильник.

Сигнал прекратился. Агес с трудом отлепилась от постели, чувствуя, как веки налиты свинцом. Вчера... вчера она снова засиделась допоздна. Тали, ее новая подруга-пилот, с огоньком в глазах показывала чертежи модификации ордельских глитерных двигателей, и Агес, не в силах противостоять инженерному зуду, с головой ушла в обсуждение резонансных демпферов и схем стабилизации. Они расстались далеко за полночь, и теперь она снова давала себе обещание, которое вряд ли сдержит: «Это в последний раз. Больше никаких ночных бдений».

Четыре месяца. Уже четыре месяца она жила в Орделе. Не в палатке кочевника, как могло бы показаться в первые дни ее скитаний по пустыне, а в этом странном гибриде техно-

логий и общинного уклада. Ей предоставили комнату в общем доме для «молодых специалистов» — так здесь называли тех, кто, как и она, решил съехать из родительского гнезда, но еще не заслужил права на собственное жилье.

Комната оказалась на удивление комфортной и современной. Чистые линии, светлые стены, голографические интерфейсы, встроенные в поверхности. По уровню технологий все это мало отличалось от Гаваарда, разве что дизайн был проще, а материалы — долговечнее и практичнее. Главным отличием была неразрывная связь всего и вся со встроенным в чип «Хранителем». Он будил, составлял расписание, напоминал о делах, контролировал расход энергии в комнате, помогал в учебе и даже мог вести диалог, хотя его бесстрастная логика часто раздражала.

Ровно до того момента, как раз в месяц "Хранитель" отключался из-за перебоев энергии. Песчаные бури не были редкостью, и тогда весь Ордел переходил в ручной режим. То есть все жители все делали руками.

«Почему ты не умеешь готовить?», — с легкой досадой подумала Агес, направляясь к компактной кухонной нише. Вот это было настоящим испытанием. В Гаваарде еду готовили и подавали автоматы. Здесь же, в Орделе, считалось, что базовые навыки самообслуживания — часть взрослой жизни. Приходилось самой разбираться с местными продуктами, плитой и странными, на ее взгляд, рецептами. Еще одним ежедневным ритуалом, напоминавшим о ее «самостоя-

тельности», была стирка. Нельзя было просто бросить вещи в невидимый люк — утром нужно было самой сложить белье в специальную корзину и отнести ее андроиду-прачке в конце коридора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.